

*Министерство образования и науки Российской Федерации
Южный федеральный университет
Институт социологии и регионоведения
Гуманитарный научный фонд «Кавказ – новые горизонты»*

*Официальный партнер:
Фонд региональных исследований «Страна»*

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И
ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ В КОНТЕКСТЕ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ**

Ростов-на-Дону
Фонд науки и образования
2018

УДК 32

ББК 66.04

И90

И90 Историческая память и исторические мифы в контексте геополитической конкуренции на Юге России : материалы научно-практической конференции «Историческая память и исторические мифы в контексте геополитической конкуренции на Юге России» (24 сентября 2018 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. А.В. Бедрик ; сост., И.В. Губарев, М.В. Куценко. – Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2018. – 96 с.

ISBN 978-5-907125-18-6

В сборник включены материалы докладов и выступлений участников научно-практической конференции «Историческая память и исторические мифы в контексте геополитической конкуренции на Юге России». Материалы посвящены вопросам, связанным с рассмотрением теоретических и практических аспектов изучения роли исторической памяти, а также исторических мифов в рамках геополитической конкуренции на Юге России.

Предназначается для специалистов, изучающих проблематику геополитической конкуренции на Юге России, а также начинающим ученым.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Гуманитарного научного фонда «Кавказ – новые горизонты».

Статьи публикуются в авторской научной редакции. Позиции авторов не всегда совпадают с позицией редакционной коллегии.

ISBN 978-5-907125-18-6

© Авторы, 2018

© Оформление «Фонд науки и образования», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	4
Бедрик А.В., Дьяченко А.Н. Актуальная историческая память диаспоры (на примере воспроизводства образа родины).....	5
Сериков А.В. Молодежный экстремизм в современной России: факторы возникновения и воспроизводства.....	10
Шаповалова А.М. Влияние геополитических процессов на историческую память.....	15
Шевченко О.М. "Образ врага" в геополитической конкуренции на Юге России: историческая реконструкция.....	21
Щукина Е.Л. Миф в историко-символическом пространстве Северного Кавказа.....	26
ДОКЛАДЫ	31
Беспалова А.А. Политика исторической памяти постсоветского Азербайджана и стратегии внешней политики.....	32
Вагина В.О., Ткаченко А.А. Сохранение исторической памяти как основы гражданско-патриотического воспитания молодежи	37
Гонтаренко Н.Н. Историческая память в конструировании национальной идентичности на Юге России.....	43
Грищенко М.А. Ценностные традиции в жизненных стратегиях россиян.....	49
Губарев И.В. Феномен мифологизации истории как инструмент конструирования общероссийской идентичности на Юге России.....	56
Данелюс Д.В. Институциональная система социальной безопасности российского общества: общие цели и интересы социальных субъектов.....	62
Демиденко А.С. Особенности формирования исторической памяти в процессе социализации молодёжи.....	69
Зарбалиев В.З. Политика исторической памяти как геополитическая стратегия контроля над пространством: проблемы взаимоотношений акторов Черноморско-Каспийского региона.....	73
Куценко М.В. Информационная безопасность как фактор сохранения исторической памяти на Юге России.....	79
Пантелеев В.Г. Историческая память о правовых системах на Юге России как фактор формирования правосознания: исторические коллизии оформления и возможности для геополитической конкуренции	85
Панфилова Ю.С. Молодежный этнический экстремизм в предметном поле социологии	90

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

**Актуальная историческая память диаспоры
(на примере воспроизводства образа родины)***

Бедрик А.В.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной
социологии Южного федерального университета

Дьяченко А.Н.

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории
исследования и экспертизы социальных практик на Юге России Института
социологии и регионоведения ЮФУ

Формирование и развитие диаспорных общностей обусловлено комплексом социальных факторов, к которым относится этнокультурная и конфессиональная специфика меньшинства, его территориальная локализация, наличие этнического лидера и институциональных условий сохранения идентичности, а также наличие общей исторической памяти, центральным компонентом которой является образ исторической родины. Как отмечает академик РАН В.А. Тишков, историческая родина – это основной компонент диаспорной идентичности, без которого мобилизация общины как коллективного целого невозможна [1]. Группа может быть дифференцирована по типу ориентации в отношении исторической родины, но вне поля влияния данного элемента коллективной памяти не возможно воспроизводства внутренне интегрированного сообщества.

Понятие «исторической родины» рассматривается нами как территория государства или региона, к титульному этносу которой относятся представители диаспорной общности, независимо от места своего непосредственного рождения. В такой общей теоретической интерпретации феномена исторической родины возможны эмпирические отклонения. Так понятие исторической родины может отождествляться с государством прежней

* Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Грансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

гражданской принадлежности или историческим регионом, утратившим в настоящее время какую-либо форму государственно-территориального обособления. Диаспора может рассматривать в качестве исторической родиной территории различного политико-административного уровня: группу стран, отдельное государство, регион внутри государства или даже поселенческую локацию [2]. Кроме того, усиление процессов аккультурации и субдиаспоризации приводит к тому, что наиболее укорененная часть диаспоры, не утратив своей этнической и диаспорной идентичности, увязывают свои представления об исторической родине с территорией своего нынешнего проживания (страной или регионом).

Дифференциация диаспорной группы по типу ориентаций в отношении исторической родины может содержать два условных компонента общины. Во-первых, это историческая часть диаспоры – потомки переселенцев, которые родились и социализировались на территории своего нынешнего проживания, то есть пределами основного или исторического ареала расселения группы. Во-вторых, это новая часть общины – переселенцы первого поколения и их дети, которые имеют непосредственную связь с территорией своего исхода. Однако в этом случае группа мигрантов – членов диаспоры может быть также разделена на несколько сегментов: переселенцы с территории самой исторической родины этнической общности и переселенцы с других территорий.

Внешний функционал диаспоры преимущественно реализуется через поддержание связей с государством исторического происхождения (исторической родиной) [3]. Представителей диаспоры интеграция в институциональные формы ее существования (общественные организации, национально-культурные автономии, культурно-языковые центры и т.д.) детерминировано стремлением использовать именно данный потенциал группы. Однако и сама историческая родина выполняет по отношению к диаспорам определенные функции. Во-первых, идентификационная функция, которая особенно важна в случае мозаичности диаспорной группы по регионам исхода ее представителей или по продолжительности пребывания на новом

месте проживания. Идентификационная функция усиливает интеграционные процессы в общине и способствует ее институционализации, поддержанию актуального уровня этнического самосознания.

Во-вторых, ресурсная функция, которая проявляется через деятельность специализированных консульских служб посольств целого ряда государств (например, Германии, Польши или Израиля), курирующих и обеспечивающих поддержкой деятельность официальных институтов диаспоры, либо участвующих в решении проблем своих нынешних или бывших граждан – членов институционализированных или неформальных диаспорных сообществ. В контексте ресурсной функции исторической родины ею предпринимаются программы языкового обучения, экскурсионные туры для молодежи, или даже программы социальной поддержки бывших соотечественников. Сложности в осуществлении данной функции в настоящее время связаны со страхом лидеров национально-культурных объединений получения материальной или финансовой помощи от правительственных или иных структур исторической родины в связи с необходимостью в таком случае зарегистрировать себя в качестве иностранного агента, что предусмотрено нормами российского законодательства.

В-третьих, имиджевая функция, создающая привлекательность для члена диаспоры, носителя латентного уровня этнической идентичности, вовлечение в деятельность ее официальных институтов, т.е. формализацию своего участия в национально-культурном объединении. Так получение карты поляка, что дает возможности без дополнительных ограничений получение через посольство Польши шенгенской визы, требует от гражданина РФ обязательную рекомендацию со стороны польского национально-культурного объединения, подтверждающего активную роль человека в сохранении и развитии польской культуры и языка в России. Схожие преференции дает участие в греческих, немецких и болгарских объединениях.

Для большинства постсоветских диаспор их историческая родина выступает донором миграции. На этом фоне для другой части диаспор

историческая родина выступает их миграционным реципиентом. В первую очередь это касается диаспор европейских народов и еврейской общины [4]. Усложнение европейских норм к репатриации потомков этнических поляков, немцев и др. хотя и снижает общие ориентации представителей данных диаспорных групп на эмиграцию, но не исключает их абсолютно, о чем свидетельствуют результаты проведенного исследования.

Характер межэтнических отношений между различными компонентами этнической структуры регионального социума (в т.ч. диаспорами) зачастую обуславливается состоянием международных связей государств. При этом значение имеет не только отношение исторической родины с государством гражданской принадлежности, что наглядно продемонстрировала ситуация вокруг грузинской диаспоры в России в период обострения в августе 2008 года грузино-югоосетинского конфликта, куда были вовлечены и российские военные. Учитывается и конфликты между государствами титульной принадлежности диаспор, в которые Россия не вовлечена непосредственным образом. Так, например, обострение конфликта между Азербайджаном и Арменией традиционно провоцирует рост напряженности между диаспорами их народов в России. Особенно наглядно международный фактор в отношениях исторической родины и государства гражданской принадлежности проявился в ходе развития украинского кризиса последних лет. С одной стороны украинская диаспора внутри России испытала кризис идентичности, который проявился как в отрицании своей украинской национальности или в противопоставлении себя к политической элите государства своей титульной принадлежности (т.е. исторической родине). Сам функционал национально-культурных объединений украинцев начал резко меняться в сторону расширения своего медиаторского наполнения, а диаспора все больше приобретает черты института общественной дипломатии. Одновременно украинская диаспора столкнулась с абсолютно новым для себя феноменом украинофобии, а также с отказом дипломатических служб Украины идти на контакты с диаспорой [5].

Таким образом, историческая родина является цементирующим компонентом диаспорной идентичности, обеспечивающим интеграцию группы и обеспечивающим символическим и иным ресурсным потенциалом ее социокультурное воспроизводство. Кроме того, историческая родина является источником миграционного воспроизводства диаспоры, реализующимся преимущественно по сетевому принципу. Состояние международных отношений государства гражданской принадлежности диаспоры и ее титульной страны является фактором развития межэтнических отношений в регионах локального проживания представителей общины, провоцирует рост напряженности или наоборот межэтническую консолидацию, обуславливает возможность развития этнонигилистических установок среди наиболее инкорпорированной части диаспоры. Несмотря на подобные риски существование диаспоры вне представлений об исторической родине не возможно, так как сама природа формирования диаспорной общности увязывается с процессами ее исторического исхода с территории локализации этнического ядра.

Литература

1. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. 544 с.
2. *Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. – М.: Институт социологии РАН, 2003. 340 с.
3. *Полоскова Т.В.* Современные диаспоры: внутривосточные и международные аспекты. – М.: Научная книга, 2002. 284 с.
4. Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения : сб. ст. / колл. авт.; под ред. А.В. Дмитриева. – М.: РУСАЙНС, 2016. 226 с.
5. *Лубский А.В., Бедрик А.В., Сериков А.В.* Социальный институт диаспоры в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарий Юга России. 2016. №5. С.63-73.

Молодежный экстремизм в современной России: факторы возникновения и воспроизводства*

Сериков А.В.

кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Южного федерального университета

Молодежь, как социально-демографическая и социокультурная группа российского общества, активно включена в процесс социально воспроизводства, не только наследует ролевые и поведенческие комплексы старших поколений, но и вносит собственный вклад в расширенное социальное воспроизводство. Это положение является «должным», определяется нормативной картиной общества. В социальной реальности проявляются неоднозначные, сложные процессы социального становления и взросления молодежи. Вступившие во взрослую жизнь постсоветские поколения молодежи, с одной стороны, демонстрируют высокий адаптивный потенциал, их отличает социальный оптимизм и уверенность в своем будущем, но с другой – в молодежной среде, социально и культурно неоднородной, очевидны тренды социальной маргинализации, социальной радикализации, социальной эксклюзии [1].

Одним из значимых последствий социальной неопределенности молодежи, ее социально-структурной дифференциации и конфликта ценностей и интересов внутри молодежной среды можно считать молодежный экстремизм как позиционирование молодежи в контексте поведенческих практик, ориентированных на отклонения социально и политически значимых норм, готовность к насилию вместо диалога с обществом и властью, институциональное недоверие в контексте реализации жизненных стратегий, распространенность девиантных форм поведения и восприятия, содержащих высокую степень политического и социального риска. Не абсолютизируя

* Работа выполнена в рамках реализации гранта РФФИ № 16-33-01131-ОГН «Социальные и гуманитарные технологии профилактики и противодействия агрессии, экстремизму и терроризму на Юге России в контексте геополитической конкуренции в Черноморско-Каспийском регионе».

опасность экстремизма в молодежной среде, актуальным является изучение молодежного экстремизма в институциональном пространстве российского общества, в исследовании экстремистских позиций и условий, факторов, ресурсов молодежного экстремизма, который принимает открытый или латентный характер и по своей «природе» не может быть ограничен только констатацией сложностей социального взросления российской молодежи, ее социально-транзитивным статусом или неэффективностью государственной молодежной политики.

Отсюда, с очевидной необходимостью вытекает потребность в глубоком системном анализе, осмыслении комплекса проблем, связанных с молодежным экстремизмом в российском обществе. Однако, следует обратить внимание на то, что в целом исследование молодежного экстремизма определяется конъюнктурностью, испытывает волны и спады как причину открытой конфликтности молодежи в сфере социально-политических и межэтнических отношений. Имеющиеся научные и практические разработки в сфере молодежного экстремизма в российском обществе характеризуются разноплановостью, и не выработана целостная государственная концепция противодействия молодежному экстремизму, и особенно ее профилактике и предупреждения.

Российские социологи указывают на тот факт, что молодежный экстремизм слабо изучен в контексте самоорганизации и саморегуляции молодежи, рассматривается через призму «высокой политики». В то же время, молодежные экстремистские практики с большей интенсивностью проявляются в сфере социального общения, социальных коммуникаций. Не случайно интернет-пространство становится платформой для формирования и пропаганды экстремистских взглядов и настроений. Действует устаревшее правило «правового принуждения», вера в административно-правовой ресурс, укрепление законодательной базы противодействия молодежному экстремизму [2]. Не оспаривая значимость правового регулирования данной проблемы, есть основания считать, что для профилактики и противодействия молодежному

экстремизму в российском обществе актуальным можно считать в рамках социологической экспертизы и социологического диагноза, понимание и осмысление молодежного экстремизма как содержащего источники в социальном позиционировании молодежи, в ее отношениях с властью и обществом, что подтверждается социологическими исследованиями, обращающими внимание на неудовлетворенность молодежи сложившимися формами взаимодействия, расплывчатостью ожиданий общества относительно молодежи.

В той мере, в какой российское общество нуждается в стабильном развитии, социальная интеграция молодежи, реализация социально-воспроизводственной функции обретает приоритетный смысл. Речь идет о том, что молодежный экстремизм по своим последствиям является барьером на пути социального развития молодежи, содержит ложные альтернативы самореализации молодежи и затрагивает различные сферы деятельности молодежи на социальном макро и микроуровнях.

Актуальность предпринимаемого исследования проблемы молодежного экстремизма в современной России определяется тремя группами факторов. Это факторы институциональной среды, связанные с необходимостью формирования институтов развития молодежи и достижением институционального доверия к институтам социального порядка. Во-вторых, культурные параметры молодежного экстремизма в контексте генерирования и поддержки молодежных субкультур, содержащих идеолого-мотивационное обоснование экстремизма. В-третьих, просчеты государственной молодежной политики, ориентированной на высокие позитивные цели, но на уровне способов реализации слабо работающей с группами потенциального риска в молодежной среде и, в определенной степени, создающая зоны отчуждения с молодежной средой в силу бюрократизма, формализма, слабой заинтересованности в реализации технологии противодействия молодежному экстремизму [3].

В российской социологической мысли понимание проблем молодежного экстремизма связано с структурно-функциональным концептом, с интерпретацией экстремизма как формы социальной девиации молодежи. В этом направлении достигнуты значимые результаты по классификации экстремистских движений, исследованию социальных детерминант и групповых субкультурных установок. Вместе с тем, можно отметить, что молодежный экстремизм слабо и фрагментарно исследуется в контексте неоинституционального и структурно-активистского подходов, как следствие, экстремистские движения интерпретируются в категориях уличной активности и государственная молодежная политика связана с созданием структур противодействия молодежному экстремизму на уровне альянсов с политическими партиями [4].

Институциональная среда российского общества характеризуется диспропорциональностью в развитии молодежных институтов, содержит суженое пространство для самоорганизации и самодеятельности молодежи. Поэтому исследовательский интерес представляет изучение институтов молодежного развития, ориентированных на использование технологий противодействия и профилактики молодежному экстремизму в контексте становления структур самоорганизации молодежи, как субъектов антиэкстремистской молодежной политики. Предлагаемая диссертация являет попытку восполнить пробел в достаточно разработанной и сложной проблеме российского общества, призвана на основе актуализации неоинституционального и структурно-активистского подходов реализовать системный анализ источников воспроизводства, становления молодежного экстремизма с целью реализации стратегий позитивной социальной мобилизации молодежи и создания модели патриотических акций, направленных на закрепление гражданской идентичности российской молодежи [5].

Вышесказанное убеждает в том, что для понимания сущности и векторности молодежного экстремизма в российском обществе актуальным

является формирование многомерного теоретического конструкта, имеющего аналитический, объяснительный и прогностический потенциал и выработка эффективных технологий профилактики (предупреждения) генерирования молодежного экстремизма и, особенно важно, регулярная антиэкстремистская политика, нацеленная на использование совокупности административно-правовых, политических, социальных, социально-психологических способов воздействия на молодежную среду и создание условий для социокультурной интеграции российской молодежи на основе солидаристских практик.

Литература

1. *Козлов А.А.* Актуальные проблемы исследования и профилактики экстремизма // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 4.
2. *Кубякин Е.О.* Основания социологического обоснования феномена экстремизма. Экстремпарантность. Краснодар, 2014. 156 с.
3. *Бедрик А.В., Зарбалиев В.З.* Факторы распространения молодежного экстремизма на Юге России на современном этапе // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1.
4. *Зубок, Ю.А., Чупров, В.И.* Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. - М.: Academia, 2009. 320 с.
5. *Халий И.А.* Современные общественные движения М., 2007. 300 с.

Влияние геополитических процессов на историческую память*

Шановалова А.М.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Южного федерального университета

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, влекут за собой осознанное увеличение и углубление глобальной конкуренции между всеми участниками, которые существуют в мировой геополитической системе.

Формирование информационного общества кардинально изменило геополитическую расстановку сил и картину мира. «В первую очередь, основным ресурсом в информационном обществе стала информация и информационные технологии, которые вытеснили или понизили значимость таких стратегических ресурсов, как природные ископаемые, население, территория и т. д.»

С возникновением современных информационных сетей перемещение информации, как основного ресурса информационного общества, между государствами приобрело прозрачность и скорость.

Наряду «с традиционными видами политического, экономического и вооруженного противоборства информационно-психологических войн заметно изменило состояние военно-стратегического баланса, который сложился в мире после Второй мировой войны, и привело к переоценке ущерба, который может повлечь применение обычных видов вооружений, а, следовательно, и к переоценке военно-политического потенциала, являющегося важной геополитической категорией».

«Формирование информационного общества привело к пересмотру старых положений в политике в целом и в геополитике в частности. Основными качественными изменениями, отражающими новые условия и

* Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Грансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

содержание геополитической конкуренции в информационном обществе, являются следующие»:

– Расширение понятия геополитического пространства и пространства геополитической конкуренции. Геополитическое пространство в информационном обществе приобретает новое измерение, включая в себя пространство информационных и психологических отношений современного общества».

– Борьба геополитических субъектов, их союзов и коалиций за достижение информационного превосходства, за обладание более развитыми информационными ресурсами, открывающими лучшие возможности для установления контроля над информационными ресурсами соперников в этой борьбе, становится основным направлением геополитической конкуренции и существенно меняет весь ее характер.

– Изменение в оценке стратегически важных ресурсов. Информационные ресурсы информационного общества, включающие в себя информационные потоки, информационно-телекоммуникационные сети и объекты их инфраструктуры, а также источники, порождающие (генерирующие) информацию или придающие ей в процессе анализа и обработки новое качество (например, порталы научно-исследовательских центров с их высоким интеллектуальным потенциалом), являются важнейшим стратегическим ресурсом для каждого субъекта геополитической конкуренции, за обладание которым в основном и разворачивается геополитическая борьба, в результате которой одни субъекты получают преимущества, а другие их теряют, что отражается на состоянии их безопасности» [1].

Для достижения, «поддержания, укрепления и расширения власти может использоваться комплексный арсенал сил и средств, основу которого составляют в основном информационные средства и формы воздействия на конкурирующие сообщества, такие как информационные технологии, информационное оружие, различные приемы и способы информационно-психологического воздействия, информационная (информационно-

психологическая) экспансия, информационное противоборство (информационная война). Данный арсенал дополняется различными формами и средствами идеологического и культурного влияния и оказания экономического, политического, дипломатического и военного давления на конкурирующие сообщества, применение которых в случае реализации задач информационной геополитики подчинено замыслу использования вышеупомянутой информационной составляющей».

В геополитических отношениях основным потенциалом в информационно сфере и других сферах геополитической конкуренции выступает показатель информационной мощи государства.

«Оценка мощи государства – субъекта геополитической конкуренции в информационном пространстве основывается на учете уровня развития информационной инфраструктуры, объемов потоков накопленной и циркулирующей в ней информации, лидерства в разработке и внедрении высоких технологий (и информационного оружия), степени информационного доминирования по отношению к другим субъектам геополитической конкуренции, которое, в частности, может выражаться в информационной (экономической, политической, культурной) зависимости национальной информационной инфраструктуры этих субъектов от импорта стратегически важной информации и информационных технологий из субъекта-донора. Также в настоящее время, когда основная схватка за сферы влияния, достигающая размаха борьбы за передел мира, ведется в информационном пространстве особыми методами и средствами, в понятие мощи геополитического субъекта входит потенциал отражения информационной агрессии».

Информационную мощь государства в современном геополитическом пространстве можно рассмотреть по следующим направлениям:

«– качественные характеристики совокупного информационного потенциала этого субъекта, включающего в себя информационную инфраструктуру, научно-технический потенциал в сфере высоких технологий (прежде всего – информационных), общий интеллектуальный и духовный

потенциал общества, отраженный в информационной сфере, силы и средства информационного противоборства и пр.;

– возможности субъекта в самостоятельном развитии по ключевым направлениям формирования национальной информационной инфраструктуры (национального информационного пространства) и научно-технического прогресса в сфере информационных технологий и средств информационного противоборства, сохранения и укрепления интеллектуального и духовного потенциала общества и степень его зависимости от достижений в этой области других стран;

– возможности информационного воздействия на данного субъекта, его информационное пространство и связанные с ним сферы;

– способности данного субъекта к устойчивому развитию в условиях информационного противоборства и острой геополитической конкуренции в информационном пространстве;

– восприимчивость к информационному трансферту, скрытому перераспределению информационного ресурса данного субъекта силами, средствами и способами информационного воздействия».

Геополитика информационного общества оперирует различными формами пространства, формирующими совокупную среду существования человечества на этом этапе развития. К таким пространствам относятся, например, экономическое, социально-политическое, культурное, информационное и другие пространства, наиболее характерной особенностью которых для эпохи построения информационного общества можно считать их виртуализацию и взаимную интеграцию через информационное пространство [2].

Так же «необходимо отметить немалое влияние на эволюцию геополитической картины мира совокупности исторических традиций, представлений и оценок. Воздействие это двоякое. С одной стороны, историческая память мешает быстрому переходу международных отношений в новое качество, консервирует прежнюю разделительную систему и ее

институты. С другой — эти субъективные факторы вполне реально «окрашивают» эволюцию системы международных отношений, либо препятствуя формированию новых геополитических реалий (к примеру, образованию еще одного глобального центра силы на Ближнем Востоке), либо подталкивая к интеграции (к примеру, имеющие совершенно разное звучание, но объективно действующие в данном направлении объединительные идеи)».

Анализируя роль культуры в современном геополитическом пространстве, конкуренцию на международной арене Дж. Най, определяет ее в качестве значимого инструмента межкультурного взаимодействия во внешней политике. При разработке, принятии и воплощении решений в геополитической сфере З. Бжезинский, говорил о важной роли культуры и необходимости всестороннего внимания в мировой геополитической системе.

Культурная идентичность представляет собой совокупность ментальных представлений индивида о принадлежности к той или иной культуре, своем социально-ролевом статусе в обществе, о речевом и коммуникативном поведении, о принятии и использовании в своих социальных практиках нормативно-ценностных моделей, соотносимые с культурными ориентирами и историческим опытом, о своем отношении к культурному наследию и т.д.

Процессы культурной самоидентификации индивидов во многом определяют ценностно-мотивационную сферу жизнедеятельности человека, реализуется в его персональной и институциональной сферах деятельности, что выражается в делегировании своих полномочий политикам и политическим партиям. Как видно, идентичность превращается в инструмент символической политики, а культурная идентичность составляет основу социального конструирования и внушения смыслов и внедрение их в публичное общественное и политическое сознание граждан.

Таким образом, наследие является не только важной частью исторической памяти и исторического сознания, но и важнейшим системообразующим фактором, способствующим формированию чувства гордости за достижения предков, преемственности поколений [1].

В условиях современной острой геополитической конкуренции поиск факторов и ценностных ориентиров геополитической идентичности определяет внутреннюю и внешнюю национальную политику.

Литература

1. Юдин П.Е. Геополитическая конкуренция и культурные ресурсы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. №3 (144). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskaya-konkurenciya-i-kulturnye-resursy> (дата обращения: 11.09.2018).
2. Скачков А.С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-v-politicheskikh-protsessah-postsovetskoj-pribaltiki> (дата обращения: 11.09.2018).

**"Образ врага" в геополитической конкуренции на Юге России:
историческая реконструкция**

Шевченко Ольга Михайловна

Доктор философских наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Южного федерального университета.

В настоящее время наблюдаются попытки переформатирования отечественной истории, проявляющиеся в переоценке значимости тех или иных исторических событий в жизни страны, актуализации негативных фактов прошлого. Такая ситуация обусловлена стремлением как внешних, так и внутренних политических сил дезинтегрировать российское общество, расколоть его на многочисленные этнические общности, препятствуя формированию общероссийской гражданской идентичности.

В условиях ужесточающейся геополитической конкуренции между международными акторами за зоны влияния в различных регионах мира, конструирование «образа врага» является эффективным инструментом разжигания ненависти и вражды между народами. Несмотря на вековые традиции мирного совместного проживания различных народов на Юге России, сегодня в памяти людей зачастую возрождаются не столько позитивные стороны совместной борьбы и сотрудничества, сколько противостояние и межэтническая неприязнь.

Следует отметить, что создание «образ врага» осуществляется не произвольно, а апеллирует к историческому прошлому страны. Именно из него заимствует определенные факты, способные возродить старые обиды и взаимные претензии этнических общностей как по отношению друг к другу, так и к российскому государству в целом.

Начало концептуализации проблемы «врага» связывают с работами К. Шмитта, для которого наличие врага становится предпосылкой формирования политического самосознания и коллективной консолидации. По мнению немецкого исследователя категория врага относится не только к сфере

политики: «...политическое может извлекать свою силу из... религиозных, экономических, моральных и иных противоположностей; политическое не означает никакой собственной предметной области, но только степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей... всякая противоположность... превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна, для того чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов» [1]. Вследствие этого К. Шмитт расценивает врага только как предельное коллективное представление, как «общественного врага», тем самым наделяя его «экзистенциальным» смыслом.

Традиционно «образ врага» формируется на основе недоброжелательных, неприязненных (враждебных) отношений. Историческая память, стереотипы любого сложившегося социума позволяют людям сохранять и транслировать из поколения в поколение ранее сложившиеся «образы врагов» и критерии их идентификации. Поэтому, когда общности угрожает опасность, историческая память «воскрешает» в общественном сознании стереотип «образа врага», и на его основе формируется новый «образ врага». Заметим, что сами по себе негативные стереотипы не являются непосредственной причиной враждебности, но они способны ускорять процесс формирования «образа врага».

В массовом сознании «образ врага» формируется как собирательный образ, включающий в себя различные негативные представления, происходит его полная дегуманизация и демонизация, подчеркиваются имеющиеся у него реальные недостатки, ему даются всевозможные надуманные негативные характеристики, в его адрес звучат обвинения в совершении кровавых преступлений в прошлом и настоящем, приписывается подготовка зловещих планов в будущем. Наличие у противника каких-либо позитивных свойств либо отрицается вообще, либо они обесцениваются. В результате образ врага демонизируется, становится воплощением абсолютного зла.

Исследователи отмечают, что в различных обществах и культурах, у различных народов «образ врага» имеет некоторые общие черты: «...на

протяжении истории существует повторяющийся набор изображения противника – некий «архетип» врага, который создается, как мозаика, по частям. Враг изображается: чужаком, агрессором, безликой опасностью, богоненавистником, варваром, ненасытным захватчиком, преступником... воплощением зла и уродства, смертью» [2]. Известно, что человек воспринимает окружающий мир в своем сознании в виде различных образов, которые в значительной степени определяют его поведение. Это ведет к тому, что формируя в сознании человека нужные образы-представления можно управлять его поведением.

Таким образом, в условиях информационного общества исторические события, интерпретируемые определенным образом, нередко выступают основой для конструирования «образа врага», прошлое начинает использоваться как обоснование социокультурной нетерпимости в процессе создания проекта «новой истории» [3].

В настоящее время Юг России представляет собой поликультурный регион с целым комплексом нерешенных социально-экономических проблем, что делает его достаточно уязвимым в плане сохранения стабильности и формирования гражданской идентичности. В условиях затянувшегося кризиса российского общества актуализируются локальные идентичности и возрождаются прошлые обиды, которые зачастую используются определенными политическими силами для дестабилизации ситуации в регионе.

Как отмечают ученые, именно «социокультурные и политические проблемы современной российской действительности придают историческим событиям особую остроту: политическое и юридическое сведение счетов с прошлым; критика официальных версий истории и возвращение на поверхность вытесненных воспоминаний...» [3].

В условиях геополитического противоборства Юг России представляет собой зону борьбы различных акторов, которые стремятся демонизировать образ России как в мире, так и в регионе с целью дезинтеграции народов, исторически проживающих в нем. В качестве основных сюжетов, способных реконструировать противостояние между локальными этническими общности и

российским государством, используются темы депортации северокавказских народов в советский период, антирелигиозные кампании, активно проводившиеся во второй половине 1930-х гг., на Юге России, где были сильны исламские традиции и обычаи. Как отмечают специалисты, «сегодня российская история стала главным полем сражения. Любое общество, в том числе и российское, несовершенно, в его истории есть немало такого, что может быть использовано противником в информационной войне» [4].

Таким образом, обращаясь к трагическим для многих народов региона событиям советской истории, геополитические субъекты стремятся сформировать в общественном сознании устойчивую русофобию, являющуюся пропагандистским инструментом для распространения антироссийских настроений.

Информационное конструирование «образа врага» в лице России опирается на различные негативные представления, позволяющие осуществлять дегуманизацию и демонизацию страны в общественном сознании. В адрес России звучат обвинения в совершении кровавых преступлений в прошлом и настоящем, приписывается подготовка зловещих планов в будущем. В результате образ России как врага демонизируется, становится воплощением абсолютного зла. Главная задача работы западных массмедиа заключается в том, чтобы убедить мировое сообщество в возрождении у России имперских амбиций, ее нацеленности на захват чужих территорий и возможной военной угрозы с ее стороны для стран новой Европы (Латвии, Литвы, Польши и т. д.).

Общеизвестно, что масштабный всплеск русофобии в регионах Юга России приходился на конец XX века. Именно в этот период, по мнению специалистов, комплекс русофобии стал несущим элементом формирования национальной идентичности в новых постсоветских государствах, образовавшихся в результате распада СССР. Сегодня ситуация на Юге России является достаточно стабильной, но не следует забывать о том, что в условиях многих не решенных социально-экономических проблем региона, положение

может серьезно измениться, особенно если к этому приложат силы определенные геолитические акторы. Исследователи отмечают, что «культивирование множества этнических и религиозных идентичностей в ущерб единой общероссийской приводит к серьезным политическим проблемам, связанным с поддержанием целостности многонационального Российского государства» [5].

В силу своей поликультурности Юг России несет в себе риски для общественно-политической стабильности и социальной безопасности региона. К ним относятся: особенности ментальных программ, определяющих межэтнические отношения населения, а также история отношений между представителями различных этнорелигиозных групп. Именно эти особенности могут быть использованы в конструировании «образа врага» для достижения определенных политических целей.

Следует отметить, что в настоящее время историческая память представляет собой не только комплекс устойчивых представлений народов о своем прошлом, но и инструмент политического манипулирования историческими фактами в целях дестабилизации ситуации в региональных сообществах Юга России. В условиях современного информационного противоборства исторические концепции представляют собой не только теоретические модели, но и идеологические и политические практики.

Литература

1. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1.
2. *Гасанов И.Б.* Национальные стереотипы и «образ врага» // Психология национальной нетерпимости. Минск: «Харвест», 1998.
3. *Кумыков А.М., Сериков А.В.* Историческая память как фактор постсоветской реинтеграции России // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4.
4. *Шевченко В.Н.* Информационная война Запада с исторической памятью россиян: логико-исторический аспект // Философские науки. 2015. № 6.
5. *Половнёв А.В.* Дестабилизирующие этноконфессиональные факторы социально-политической ситуации в России // Вестник МГЛУ. 2011. Выпуск 25 (631).

Миф в историко-символическом пространстве Северного Кавказа

Щукина Елена Львовна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований Южного федерального университета

В последние десятилетия мифологизация проникает буквально во все сферы жизни народов Кавказа, через средства массовой информации, интернет-ресурсы, а порой и через публицистическую и даже научную литературу. Особенностью мифологизации исторических событий является то, что теперь этим занимаются не только обычные граждане, населяющие изучаемый регион, но и ряд ученых, публицистов, а также политиков. Представители исторической науки, осуществляя деструктивную деятельность, создают не только искаженную письменную историю, но и всевозможные мифы, которые крайне вредны для массового сознания. Ведь многие положения представителей параистории иногда становятся руководством к действию для законных органов власти республик и приобретают вид официальной идеологии, которая, в свою очередь, создает ряд конфликтных ситуаций внутри региона, осложняя, тем самым, межэтнические отношения народов, населяющих северокавказский регион.

Народы Кавказа, имея большое количество исторических травм, ощущают острую потребность в этнополитических мифах, которые, в свою очередь, безжалостно фальсифицируют значимые исторические события, или предполагают совершенно иную трактовку данных явлений, тем самым, формируя ложные представления у подрастающего поколения молодежи. Эти ложные представления могут привести к росту этнизации сознания, вызвать острое чувство этноцентризма среди народов, населяющих Кавказ, а также стремление к историческому реваншу.

Проблемам мифа и мифологизации истории посвящено большое количество научно-исследовательских работ, дающих различные трактовки данному явлению. Методология мифа включает в себя огромный ассортимент

познавательных стратегий и парадигм, которые достаточно часто состоят в прямой оппозиции друг к другу. Поэтому, в данных тезисах, в качестве методологической основы используется политологическая интерпретация мифов, разработанная в трудах В.Парето, Ж.Сорель, А.Винер, которые полагают, что мифы - это составная часть идеологии политической системы общества, направленная, как средство, на манипулирование массовым мифологическим сознанием. Следует выделить работы российских ученых, которые рассматривали тему мифов в контексте социума: В.А. Шнирельман, В.А. Тишков, А.В. Малашенко, М.В. Савва. Все исследования свидетельствуют о том, что в XXI веке, этнополитическая реальность вступила в новую фазу развития, в которой происходит непрерывный, нерегулируемый рост мифологий этнополитического характера. Основная идея указанных исследований говорит о том, что эти процессы следует контролировать, иначе это может привести к необратимым последствиям. Безусловно, перед учеными открывается новое исследовательское поле, однако, результаты исследований должны быть направлены не только на узкий круг профессионалов, но транслироваться и тиражироваться на широкую аудиторию, и, особенно, на управленческие элиты.

Современный миф - это универсальная структура, имеющая жизненно структурирующий характер, нацеленный на установление определенного социального порядка. Миф - это представление, конструкция, систематизирующая разнообразие и хаотичность социальной реальности, он выстраивает модель или проект деятельности. Являясь моделью действий, миф актуализирует и репрезентирует жизненно важные ценности, нормы, цели, идеалы в их эстетическом оформлении и этической императивности. Современный миф постоянно побуждает к действию в той или иной сфере социальной реальности, в которой он функционирует в данный момент, освещает реальность жизни, делает ее видимой, оттеняет ее, придает форму [1].

С точки зрения определенной этнической группы, не все исторические события равнозначны и равноценны. Именно поэтому, производя конкретный

отбор, миф делает акцент на такие события или ситуации, которые подчеркивают этническую границу, отличая одних от других. Как правило, это – переселения, войны, конфликты, возможно определенные межкультурные контакты, политическая и культурная иерархии. Но, самой точной целью служит образ некой коллективной травмы - поражение в войне, голод, геноцид, эпидемия. Именно эта цель заставляет определенную этническую группу особенно резко ощущать свою уникальность и идентичность, способствуя ее солидарности. Порой это даже приводит к порождению чувства превосходства над другими такими группами.

Важно отметить, что интерес к мифам, к своей этнической истории оказывается гораздо более характерным и более ярко выраженным у этнических меньшинств, и малочисленных народов, чем у доминирующих групп населения. Это весьма просто можно объяснить: ведь именно эти меньшинства фактически ощущают ту или иную форму дискриминации, пытаются бороться с ней, вновь обращаясь к далекому прошлому, к «Золотому Веку». Вполне очевидно, что мифология создается и в наши дни, на наших глазах. Это предоставляет исследователям уникальную возможность изучить процесс мифотворчества и его этнополитический контекст.

В исследованиях В.А. Шнирельмана выделены универсальные компоненты этнических мифов: удревление собственной этнической культуры и языка; миф о прародине в большой территории расселения; миф о славных предках; миф о культуртрегерстве своего этноса; создание образа великого иностранного врага; миф об этническом единстве с определенными народами и др. [2]. Распространение этнического мифотворчества в историко-символическом пространстве Северного Кавказа, вызывает расцвет новых мифологий, призванных признать законность новых политических субъектов, при этом, акцентируя свое внимание на более высокий политический статус и расширение территориальных границ за счет соседних народов. В результате становления этнического мифотворчества на Северном Кавказе, происходит

ряд межэтнических конфликтов, которые подрывают отношения народов, проживающих на данной территории, в частности.

Таким образом, определяя значимость этнических мифов на Кавказе, можно сделать вывод, что они являются важнейшим инструментом «возбуждения этничности». Этнополитические мифы, выступая главным создателем этнической напряженности, используются в качестве ресурса в борьбе за власть между разными этническими группами этого региона.

Анализируя этническое мифотворчество на Северном Кавказе, целесообразно вычленив наличие целого ряда параллелей: попытки удревнения истории собственного народа; формирование этноцентризма; формирование образа «врага»; (представление себя в виде «угнетенного народа»); формирование образа «героя» как основного защитника оскорбленного народа; приписывание себе коллективной травмы (последствия войны, голод, геноцид).

Современному гражданскому обществу сложно дистанцироваться от заидеологизированных представлений о враждебности соседних народов, которые навязывались ему два десятилетия. В сложившейся ситуации, в рамках государственной политики, разрушать сформировавшиеся традиции будет крайне тяжело. В связи с этим, процесс деконструирования мифов целесообразно начинать не с государственного, а с межрегионального уровня, который постепенно, неспешными темпами перейдет в межгосударственный. Здесь возникает еще одна проблема – старшее поколение, которое со времен распада Советского Союза утратило веру в убеждение о «дружбе народов» и отчасти транслирует ксенофобские настроения. Но, если люди старшего поколения были непосредственными свидетелями тех трагических событий, которые последовали после крушения СССР, то молодежь знает об этих процессах лишь из курса истории и не обладает целостной картиной реальной ситуации. Более того, молодое поколение достаточно гибко относится к современной обстановке и без особых затруднений будет отталкиваться от

новых реалий, в поисках площадки для отхода от существующих этнических, конфессиональных и других форм идентификации.

В связи с этим, для деконструирования существующих мифов, необходимо активнее проводить различные молодежные форумы, на которых следует обсуждать действенные способы решения сложившейся ситуации. Нельзя забывать о развитии потенциальных площадок научных исследований, в рамках которых будут также предлагаться реальные методы решения накопившихся проблем посредством гуманитарного сотрудничества.

Отметим, что за последнее десятилетие, существенно улучшилась туристическая сфера услуг, а вместе с ней, свои туристические маршруты открыли республики Северного Кавказа, существенно увеличился турпоток из России в страны Южного Кавказа. Это, в свою очередь, уже весомый показатель доверия туристов к стране пребывания, а значит, эта сфера является прямым рычагом воздействия к улучшению этнической ситуации, частичной минимизации этнополитического мифотворчества. Таким образом, для того, чтобы добиться реальных результатов в борьбе с этническими мифами, а также избавиться от ксенофобии, царящей в современном обществе, следует осуществить отход от этнических, конфессиональных и прочих маркеров в пользу минимизации этнополитических мифов, перейти к стабильным, социально-политическим характеристикам.

Литература

1. *Пивоев В. М.* Мифологическое сознание как способ освоения мира. Изд-во: Карелия, 1991. С.48.
2. *Шнирельман В.А.* Идентичность, культура и история: провинциальный курс//История края как поле конструирования региональной идентичности: материалы семинара, проведенного и Институтом Кеннана. М., 2008. С.10 – 12.

ДОКЛАДЫ

Политика исторической памяти постсоветского Азербайджана и стратегии внешней политики*

А.А. Беспалова

Кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований ЮФУ

Историческая память оказывает существенное влияние на современную ситуацию в странах постсоветского пространства, затрагивая их политические и социальные институты и создавая психологические настроения в обществе. Сегодня Азербайджан известен в мире во многом благодаря своим нефтегазовым ресурсам. Тем не менее, ключевые геополитические интересы республики отнюдь этим не ограничиваются. «Азербайджанская республика имеет несколько важных геополитических вопросов: система нефтепроводов; юридический раздел Каспийского моря; решение Нагорно-Карабахского конфликта; статус Южного Азербайджана» [2]. В данной статье представляется целесообразным сфокусировать внимание на решении Нагорно-Карабахского конфликта, который является одним из определяющих факторов внешней политики современного Азербайджана, а также предметом политики исторической памяти.

Политика исторической памяти – это сложный процесс, который включает в себя трансформацию межгрупповых представлений и самооценки общества, а также оказывает влияние на урегулирование конфликтов на спорных территориях, в приграничных районах и в целом на взаимоотношения с соседними государствами. Существует ряд теоретических и практических препятствий на пути к сглаживанию конфликтов на постсоветском пространстве, в частности между Азербайджаном и Арменией, чьи взаимоотношения находятся под сильным влиянием исторической памяти, как о событиях далекого прошлого, так и о событиях 90-х гг. [1]. Принимая во

* Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

внимание, геополитическое расположение Азербайджанской республики, необходимо отметить нестабильность всего региона. «С точки зрения конфликтогенности и нестабильности в этом регионе только в постсоветский период вспыхнуло несколько крупных военных конфликтов – две чеченские войны, Карабахский и Приднестровский конфликты, абхазо-грузинская и осетино-грузинская война с включением России, военные действия на Юге Украины. По поводу ряда из них проведено множество заседаний ООН и ее Совета безопасности. Конфликты высокой и средней интенсивности провоцируются на Юге России террористическим подпольем» [3].

При согласованности официальной позиции политических лидеров и информационных сообщений в средствах массовой информации возможно оказывать воздействие на общественные настроения в зонах конфликтов. Дискурс, призванный вызвать чувства общей идентичности с армянами, вызывает отторжение, в то время как информация, соответствующая существовавшим ранее представлениям о конфликте, может вызвать стремление проанализировать ситуацию, разобраться в фактах, и как следствие, привести к снижению напряженности. Микрооснования этих, казалось бы, противоречивых выводов подтверждаются в научной литературе по (политической) психологии. Но возможен и обратный эффект, когда информация, противоречащая ранее существовавшим предубеждениям, может повысить уверенность в них.

В постконфликтных регионах препятствиями для налаживания отношений и сотрудничества являются воспоминания и долгосрочные психологические последствия конфликта. Такие барьеры могут сохраняться годами, если не поколениями, и проявляться в стремлении к сохранению самобытности и жесткости по отношению к другой стороне конфликта. Так, «Нагорно-Карабахская Республика уже более четверти века существует в качестве непризнанного государства, при этом руководство Баку по-прежнему заявляет о своем намерении вернуть контроль над потерянными территориями» [2].

Политические и социальные психологи изучили вопрос о том, каким образом можно смягчить враждебное отношение с тем, чтобы обеспечить примирение сторон. Некоторые утверждают, что, так же, как националистические дискурсы препятствуют примирению, распространение примирительных идей может повысить терпимость и с течением времени сделать идентичность более инклюзивной [8]. Этому могут способствовать мероприятия в рамках официальной политики по формированию общей идентичности, а также работа комиссий по установлению реальных фактов. Однако такие меры могут столкнуться с сопротивлением в постконфликтных сообществах из-за вышеуказанных барьеров, препятствующих принятию идей, которые противоречат распространенным убеждениям. Вопрос о том, как преодолеть эти барьеры имеет решающее значение, принимая во внимание разрушительные долгосрочные экономические и социальные последствия неурегулированного конфликта.

В рамках реализации политики исторической памяти, важно не допускать распространения односторонних нарративов о конфликтах, усиливающих поляризацию общества. При этом не стоит недооценивать способность массового сознания сдерживать распространение подобных идей, хотя этого, как правило, недостаточно. Там, где обе стороны конфликта подвергаются нарративам виктимизации и националистической риторики, возможность изменения характера отношений в положительную сторону крайне низка. Как отмечают исследователи, «стороны (Армения и Азербайджан) не проявляют какого-либо желания разрешать проблему мирным путем. Напротив, Баку проводит целенаправленную политику по дестабилизации ситуации на линии соприкосновения вооруженных сил, отказывается от прямых переговоров с руководством Карабаха» [2].

Мероприятия, направленные на формирование исторической памяти, могут иметь краткосрочный положительный эффект, но при этом обеспечивать основу для более долгосрочных результатов. Другие исследования ставят под сомнение эффективность таких мер в случае высокой степени напряженности.

Одна из причин заключается в том, что информация, направленная на противодействие предрассудкам, сталкивается с когнитивными процессами, которые искажают её, не давая повлиять на существующую иерархию ценностей. Исследователи отмечают, что люди склонны отвергать или даже избегать информации, противоречащей их политической идентичности. В связи с этим, необходимо учитывать, что информация, совпадающая с устоявшимися взглядами, имеет более высокий шанс быть воспринята. В случае с конфликтом в Нагорном Карабахе, отправной точкой в подаче информации должно быть признание вины Армении [4,5]. При этом необходимо изменить акцент в трактовке исторических событий. Один из способов сделать это – сместить фокус вины с одной цели на другую. Хотя понятие виновности представляется простым, на самом деле зачастую существует несколько кандидатов, на которых может быть возложена ответственность. Так, проекция вины на третью сторону, особенно если рассматривать её как общего противника, может помочь построить новое, общее восприятие событий.

Сосредоточенность политики исторической памяти в этом направлении может способствовать концентрации внимания на общих чертах, разделяемых армянами и азербайджанцами, которые выходят за рамки враждебности, проистекающей из конфликта. Потенциал для общей идентичности этих групп не является надуманным; представители двух национальностей разделяли космополитическую «советскую» идентичность, которая прививалась на протяжении всего двадцатого века. Кроме того, до конфликта армяне и азербайджанцы, проживающие в Азербайджане, демонстрировали высокие показатели социального взаимодействия и смешанных браков [6,7].

Таким образом, при стремлении установить факты важно делать акцент на том, что может содействовать примирению и вести к конструктивному диалогу на межгосударственном уровне. В ближайшей перспективе специалистам по конфликтам необходимо признать глубину и долговечность предвзятого отношения, ввести в политический дискурс идеи, сближающие представителей Азербайджана и Армении. Это может постепенно привести к

переоценке конфликта и улучшению отношений между государствами. История подвергается постоянному пересмотру, несмотря на внешние проявления, напряженность во внешней политике может быть снижена.

Литература

1. *Мехдиев Э. Т.* Энергетический фактор во внешней политике Азербайджана //Проблемы постсоветского пространства. 2016. №. 1. С. 47-54.
2. *Сериков А. В., Венцель С. В.* Геополитические векторы Азербайджанской Республики: угрозы и возможности //Социально-гуманитарные знания. 2018. №. 7. С. 124-134.
3. *Старостин А.М.* Смена парадигмы в современной глобалистике: социальные и когнитивные детерминанты // Caucasian Science Bridge. 2018.1(1). С. 27–35.
4. *Saparov A.* Contested spaces: the use of place-names and symbolic landscape in the politics of identity and legitimacy in Azerbaijan //Central Asian Survey. 2017. Т. 36. №. 4. С. 534-554.
5. *Sayfutdinova L.* Post-Soviet small businesses in Azerbaijan: the legacies of the Soviet second economy //Caucasus Survey. 2017. Т. 5. №. 1. С. 11-26.
6. *Van Gils E.* Azerbaijan's Foreign Policy Strategies and the European Union: Successful Resistance and Pursued Influence //Europe-Asia Studies. 2018. С. 1-21.
7. *Simão L.* Azerbaijan: Strategic Partnership Instead of Europeanisation //The EU's Neighbourhood Policy towards the South Caucasus. Palgrave Macmillan, Cham, 2018. С. 185-213.
8. *Radnitz S.* Historical narratives and post-conflict reconciliation: An experiment in Azerbaijan //Conflict Management and Peace Science. 2018. Т. 35. №. 2. С. 154-174.

Сохранение исторической памяти как основы гражданско-патриотического воспитания молодежи

Вагина В.О.*

магистрант Института социологии и регионоведения ЮФУ,
стажер-исследователь Лаборатории исследования и экспертизы социальных практик на Юге России Института социологии и регионоведения ЮФУ,

Ткаченко А.А.

магистрант Института социологии и регионоведения ЮФУ,
Ростов-на-Дону

Одной из самых актуальных проблем на сегодняшний день является воспитание будущего патриота своей страны. Данная проблема охватывает всех людей без исключения в независимости от их религии, расы, пола, культуры, духовного и нравственного развития. И в первую очередь эта проблема касается молодежи. А кто же это такой – патриот? «Толковый словарь русского языка» С. Ожегова дает следующее определение данному слову: «Человек, преданный своему народу, любящий свое отечество, готовый на жертвы и совершающий подвиги во имя интересов своей родины» [1]. С понятием «патриот» неразрывно связано понятие «патриотизм». Известно, что идеи патриотизма в истории России занимали и занимают одно из ключевых мест [2]. Проблема гражданско-патриотического воспитания молодежи в соответствии со Стратегией национальной безопасности и Госпрограммы по патриотическому воспитанию занимает важную роль в обеспечении как национальной безопасности России, так и безопасности конкретного человека. Поэтому одним из наиболее важных вопросов воспитания на сегодняшний день является формирование потребности любви к России, знания её истории. Ведь патриотизм – это составная и неотъемлемая часть национальной идеи, неотъемлемый компонент культуры и науки. Исследованием проблемы

* Работа выполнена в рамках реализации Госзадания (Министерство образования и науки РФ), проект № 28.3486.2017/ ПЧ «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации».

патриотического воспитания молодежи занимались многие отечественные ученые, среди которых – Н.А. Добролюбов, В.Г. Белинский, Н.В. Ипполитова, В.Г. Чернышевский.

Рассматриваемая в статье проблема особенно актуализируется в переломные времена, когда кардинальные изменения в обществе подталкивают к изменению воспитательного процесса в целом и гражданско-патриотического воспитания в первую очередь.

Первоосновы представлений о патриотическом воспитании были заложены еще в народной педагогике – в легендах, сказках, мифах, летописях, народных песнях, думах, поучениях, пословицах, поговорках. Размышления Нестора Летописца, Иллариона Киевского, Владимира Мономаха основаны на возвеличивании роли Родины в жизни человека, сформированном мнении о том, что любовь к ней, ее защита – священный долг каждого человека.

В нашем национальном самосознании понятие патриотизма всегда связано с традициями православной культуры и заключается в готовности отказаться от себя, пожертвовать всем ради Отечества. Н.М. Карамзин, С.Н. Глинка, А.И. Тургенев и многие другие общественные и государственные деятели России в своем творчестве призывали «положить жизнь за Отечество».

Изучение исторических процессов формирует интерес у молодого поколения к духовному и культурному наследию Отечества, приближает их к общечеловеческим ценностям, к осмыслению сути понятия «патриотизм».

Задача исторического познания двуедина. Во-первых, разбудить в душе молодого человека любовь к истории, и, в первую очередь, отечественной. Во-вторых, добиться нравственной ориентации на прекрасные образы и гуманистический исторический опыт. А важнейшей целью его является воспитание гражданина и патриота Отечества, ценностно ориентированной личностью, обладающей нравственными качествами, отсюда вытекают и важные задачи: обеспечить молодежь историческими знаниями об опыте человечества; создать условия для овладения молодыми людьми определенной суммой исторических знаний необходимых для понимания общественных

процессов, умение ориентироваться в исторических сведениях; на основе развития эмоциональной среды личности средствами воздействия на нее исторических образов воспитать уважение и пробудить интерес к истории и культуре своего народа; развить личность на основе овладения историческими знаниями.

Сама история подсказывает, каким образом можно и нужно строить формирование патриотической личности. В целом, накопленный опыт патриотического воспитания является значительной базой для реализации принципа историзма в формировании патриотического сознания молодежи. Разнообразные коллизии истории, столкновение противоречий, героическое стремление наших соотечественников к самостоятельности, независимости, сохранению самобытности являются широкой интеллектуальной и эмоциональной основой для использования исторического опыта в формировании личности патриота и гражданина новой России.

История должна воспитывать патриотизм у молодежи. Любовь к своей Родине и соответственно к народу базируется, прежде всего, на верном представлении об их историческом развитии.

Проблемы современного патриотизма в России во многом проявляются именно в том, что в нашем обществе разрушены традиции как механизмы передачи исторической памяти. Традиции эти должны передавать молодому поколению: осмысление далекого прошлого нашего народа и стародавних текстов «Повести временных лет», известных среди специалистов как «Легенда о призвании варягов», пересказать ее понятным современному молодому человеку языком; доступно интерпретировать современные политические и социальные процессы; раскрывать образы Рюриковичей, Романовых, вождей прошлого века – Ленина, Сталина и современных политических деятелей – В.В. Путина, Д.А. Медведева. Каждый молодой человек должен знать какое было Древнерусское государство с центром в Киеве и какова роль великих князей; как преодолела Русь период раздробленности и к чему он привел Древнерусское государство; подвиги Александра Невского и Дмитрия

Донского; по какому пути развития пошло Московское государство; какой царь и почему стал последним представителем династии Рюриковичей и что есть «Смутное время» с его героями освободителями Мининым и Пожарским; первых Романовых; взлеты и падения Российской империи; особенности Советского государства; Великую отечественную войну; эпоху Российской Федерации, которая берет свое начало в декабре 1991 года и какие принципиальные перемены прошли в 1993 году; новый XXI век – его современные вызовы, угрозы и перспективы.

Каждый период истории оригинален и молодой человек должен впитывать историческую информацию в доступной форме, обсуждать её с друзьями, анализировать и высказывать своё мнение и отношение. Так пройдёт осознание своей истории, а ещё молодой человек увидит, что в любом историческом событии солидное место занимает молодёжная тематика.

Для того, чтобы патриотическое воспитание молодёжи через осмысление исторических процессов происходило эффективно, нужно использовать определенные методы и приёмы: 1). создание на базе молодёжных центров и музеев, клубов исторической реконструкции, дискуссионных исторических клубов и площадок, где на доступном для молодёжи языке будут представлены исторические периоды России; 2). применение на дискуссионных мероприятиях и открытых уроках фотографий с изображением знаменитых соотечественников, знакомство с героями Отечества, культурными достижениями; 3). воспитание историей осуществляется на примерах героической борьбы, подвигов, талантов россиян.

Таким образом, историческое просвещение занимает основополагающее место в осуществлении нравственного и патриотического воспитания молодёжи, где гражданско-патриотическое воспитание осуществляется на основе объектного изучения исторического прошлого. В стратегии Национальной безопасности РФ до 2020 г. указывается на возрождение исконно российских идеалов, духовности, достойное отношение к исторической памяти и отмечается: «Негативное воздействие на состояние

национальной безопасности в сфере культуры усиливают попытки пересмотра взглядов на историю России...»

Чтобы возродить былое могущество, необходима опора на эффективный исторический опыт, в том числе и на советский. Патриотизм должен представляться через советского и первого космонавта мира Юрия Гагарина, Героя Социалистического Труда шахтера Кузьму Северьянова, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии хлопкороба Турсуной Ахунову и тысячи других народных героев. История содержит в себе примеры для подражания, подлинных героев.

Истинный патриотизм – это любовь к Родине, ее прошлому и настоящему, это надежда и вера в ее будущее. Истинный патриотизм не ограничивается созерцательностью, он деятелен, слова в нем дополняются делами.

Чем глубже знания молодого человека об истории своей страны, о Великих политических деятелях, Великих подвигах ее народа, о том, какими тяжелыми событиями и невероятными усилиями наши предки отстаивали границы государства и присоединяли новые земли, тем сильнее и крепче будет чувство патриотизма в душе и сознании молодого человека.

Задачи патриотического воспитания не могут исчерпываться военно-технической подготовкой или военно-прикладными и военно-техническими видами спорта, они хороши для людей и молодежи, четко ориентированных на профессиональную службу или освоение техники. Для воспитания исторического сознания, патриотизма и гражданственности сегодня существуют и другие разнообразные формы, позволяющие охватить широкий спектр интересов современной молодежи. Наиболее перспективны военно-исторические и историко-патриотические формы деятельности, применение метода исторической реконструкции.

Это наиболее оптимальные и привлекательные досуговые, образовательные и просветительские формы, которые могут существовать как на уровне неформальных объединений (клубов и групп исторической

реконструкции), так и в форме культурной, творческой и проектной деятельности. Так вопросы изучения военной тактики 20 века, воспитание слаженности подразделения решают такие формы, как страйкбол.

Возможность создавать яркие публичные формы от культурных программ, до форм «живой истории», историко-культурных и музейно-туристических комплексов позволяют обеспечить массовые формы просветительской и образовательной деятельности, вовлекать широкий круг участников и зрителей.

Создав материальную базу под историко-культурную деятельность, можно развивать музейно-туристическое направление, что не только компенсирует затраты и обеспечит массовую пропаганду отечественной истории и культурного наследия, но и окажет помощь в развитии туризма.

Сегодня Россия часто сталкивается с многочисленными вызовами – попытками переписывания истории, принижением своей роли в мировой истории, подменой традиционных ценностей, характерных для русской культуры. Однако существует средство, которое помогает защитить общество перед лицом этих угроз. И это – осознанное отношение к Родине, к её прошлому, настоящему и будущему, развитие национального самосознания подрастающего поколения, углубление знаний об истории и культуре родного края, о подвигах дедов и прадедов при защите Отчизны. В начале XXI века патриотизм выступает как мобилизационный ресурс развития личности, общества и государства. Он призывает всех граждан объединиться, чтобы достигнуть общей цели – сделать всё возможное для становления экономически мощной и политически стабильной державы.

Литература:

1. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 22-е изд. М.: Русский язык, 1990. 921 с.
2. *Шульженко М.Э.* Патриотическое воспитание современной молодежи // Молодой ученый. 2017. №47. С. 240-243. URL <https://moluch.ru/archive/181/46664/> (дата обращения: 12.09.2018).

Историческая память в конструировании национальной идентичности на Юге России

Гонтаренко Н.Н.

младший научный сотрудник Южнороссийского филиала ФНИСЦ РАН,
магистрант Института социологии и регионоведения ЮФУ

Одним из факторов формирования национальной идентичности выступает историческая память. Идентичность конструируется в процессе осмысления нацией своей истории, своего нынешнего положения и возможных и желаемых перспектив. Но историческое время нации осмысливается людьми, т.е. проходит через их сознание.

Выделяются следующие уровни национальной идентичности: 1) национально-исторический, куда входят: осознание единства нации, отношение к нации, представление об истории, отношение к преемственности и т.д. Представление нации о своем культурно-историческом развитии в значительной степени определяет ее общественное и политическое сознание; 2) формально-практический: здесь выводится результат практического претворения национальных идей, зафиксированных и сформировавшихся в общественном и политическом сознании нации, отношение с окружающим миром [5].

Национальная идентичность является динамичным историческим качеством бытия нации. Ей присуща специфическая историчность, обеспечиваемая механизмом «трансляции/инновации». Она выступает как результат прошлого и одновременно как ангажированность в отношении будущего.

Анализ характера детерминации социальной действительности исторической памятью предполагает изучение самого явления исторической памяти. Прежде всего, следует указать на историческую память как на некое интеллигибельное пространство, наделяющее человеческое бытие конкретными смыслами, символами и ориентирами. Речь идет о так называемых «уроках

истории», табуирующих или, напротив, стимулирующих определенные настроения и устремления социальных и этнических групп.

Очевидно, что определенные факты истории оборачиваются «болезненными», «травмирующими» или «патетическими» воспоминаниями, тем самым как бы перманентно «рекультивируясь». При этом предполагается имплицитная «виновность» настоящего по отношению к прошлому. Преодоление чувства вины происходит посредством «восстановления» исторической правды, выраженной в системе соответствующих санкций. Так, например, трагизм европейской истории первой половины двадцатого века проявился в наши дни в законодательном запрете, как фашистской символики, так и организаций нацистского толка.

Историческая память как базовый элемент конструирования коллективной идентичности особенно своеобразно реагирует на трагические и драматические события истории: войны, революции, репрессии. Такие периоды характеризуются дестабилизацией общественных структур, ростом противоречий, конфликтов.

Какие же методологические подходы могут послужить основаниями в анализе взаимосвязи сложной этнической истории и исторической памяти народов России и конструированием общенациональной, общероссийской идентичности?

Обратимся в данном контексте к понятию исторической памяти. Его введение в научный оборот и начало изучения относят к 20-м годам XX века и связывают с именем французского социолога Мориса Хальбвакса. Он выдвинул и обосновал тезис о существовании феномена коллективной памяти как средства самоидентификации различных сообществ людей. Для М. Хальбвакса память является социальной конструкцией, создаваемой в настоящем. Память понимается не как сумма воспоминаний отдельных людей, а как некое коллективное культурное произведение, развивающееся под влиянием семьи, религии и социальной группы через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты.

В последние десятилетия XX века исследования социальной памяти, ее формирования, а также отношение между социальной памятью и историческим знанием стали темой широких научных и общественных дискуссий.

Одной из особенностей сложившейся когнитивной ситуации в современной исторической науке является переход от монистической интерпретации истории к плюралистической. Данный переход соответствует той эпистемологической тенденции, в которой наука открывает для себя множество реальностей, и движение идет от одной-единственной истины и одного изначально данного мира к процессу порождения многообразия подлинных и при том конфликтующих миров как самодостаточных и внутренне согласованных реальностей. В соответствии с этим формируется новый тип методологического сознания. В нем актуализируется вопрос о том, как в субъективном «мире» научного исторического знания обнаруживает себя объективный «мир» исторической реальности, формируется представление о том, что «мир прошлого» становится реальностью в соответствии с познавательным контекстом. Поэтому историческое познание начинает рассматриваться как конструирование «мира прошлого», а историческое знание – как книга о «реальности прошлого», пишущаяся вновь и вновь в языках тех или иных культур и исторических эпох [5]. Современный стремительно меняющийся мир настоятельно ставит задачу формирования новых национальных (а нередко и наднациональных) идентичностей, требуя преобразований существующих форм коллективной памяти. Так, французский проект П. Нора исходил из вполне конкретной практической задачи конструирования новой французской идентичности. Этот фундаментальный труд стал впоследствии образцом для ряда исследований о возникновении и переустройстве национальных идентичностей через образы памяти о прошлом. Речь в них идет о европейской политической и экономической интеграции, исчезновении государственных границ, миграционных процессах и, не в последнюю очередь, о необходимости новой наднациональной истории, соответствующей задаче строительства единой Европы.

В данном контексте обратимся к историческим дискурсам и образам прошлого региона Юга России. Юг России в силу своего уникального геополитического и геокультурного положения исторически выделялся высокой интенсивностью этнокультурных контактов на протяжении всей своей истории. Здесь «встречались», контактировали, взаимодействовали, вступали во многомерные взаимодействия различные этносы и культуры, сохраняя при этом собственную историю и самобытность. Общая историческая судьба, сложившиеся культурные, экономические связи сформировали социокультурную общность региона как органичную часть социального пространства России. Следует отметить, что Юг России, и Северный Кавказ в частности, в общественном сознании позиционируется как едва ли не генетически конфликтогенный и нестабильный регион России. Этот стереотип опирается на определенный историко-событийный ряд: Кавказская война XIX века, мухаджирство, Гражданская война, депортации народов, межэтнические конфликты, территориальные споры, депрессивная экономика, терроризм и т.д.

Рассмотрим в данном контексте некоторые «клиотравматические» факты из истории народов региона. Особого внимания в этой связи заслуживают события Кавказской войны (1763-1864 гг.) – сложного и противоречивого явления российской и северокавказской истории. Одним из последствий Кавказской войны стала массовая эмиграция адыгского народа и разделение единого адыгского этноса на две части – в составе Российской империи и обширной зарубежной диаспоры. Другой «клиотравматический» факт – репрессии сталинского режима в отношении целых народов: карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, калмыки и др. Официальное обвинение, выдвинутое против них, заключалось в предательстве в годы Великой Отечественной войны. Хотя необходимо отметить, что коллаборационизм имел место практически во всех оккупированных регионах СССР, а представители «наказанных народов» героически сражались в рядах Красной Армии. «Правовой» основой депортации калмыцкого народа послужил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. «О

ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», где в предельно обобщенном виде было выдвинуто обвинение в адрес калмыцкого народа: «в период Великой Отечественной войны многие калмыки изменили Родине». Указ не был обнародован и под грифом «Секретно» хранился долгие годы. 28 декабря 1943 г. было принято постановление СНК СССР, где определялась судьба депортируемого народа: «В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР всех калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, выселить в Алтайский, Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области» [4]. В ходе широкомасштабной операции «Улусы» весь калмыцкий народ по сфальсифицированному обвинению был выслан на территорию от Казахстана до Сахалина.

Но так ли необходимо и дальновидно ли вообще акцентировать все внимание только на имеющихся, хоть и объективно, противоречиях (болезненная историческая память, зигзаги имперской (российской и советской) политики, традиционализм и модернизм и т.д.) и все богатство и неоднозначность истории Юга России сводить исключительно к борьбе, конфликтам и трагедиям? Действительно, необходимо принять свое прошлое таким, какое оно есть, выразив тем самым зрелость гражданской позиции нашего общества. Как отметил Медведев Д.А., Президент РФ в период 2008-2012 года, «...вне сложной истории, противоречивой по сути истории нашего государства зачастую просто не понять корни многих наших проблем, трудностей сегодняшней России...» [3].

Литература:

1. *Алентьева Т.В.* Пантеон национальных героев и парадоксы исторической памяти: на примере каких героев воспитывать этнокультурную идентичность российской молодежи? *Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. № 3(30). 2016. С. 227-232.*

2. *Бурлакова Н.С., Олешкевич Е.В.* Травматический опыт холокоста как часть исторической памяти и идентичности второго поколения. М.: Психология и психотехника. № 9(72). 2014. С. 922-931.

3. Видеоблог Президента РФ Медведева Д.А. 30 октября 2009 г. Память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.kremlin.ru](http://www.kremlin.ru).

4. Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе / Под ред. А.К. Аликберова (отв. ред.), И.С. Савина, А.Ю. Скакова, Л.И. Цвижбы / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН; Издатель А.В. Воробьев, 2017. – 176 с.

5. *Ретина Л.П.* Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования. М.: Диалог со временем. № 54. 2016. С. 9-15.

Ценностные традиции в жизненных стратегиях россиян

Грищенко М.А.

Директор Колледжа Ростовского института защиты предпринимателя

Жизненные стратегии россиян нацелены на инструментализацию коллективистских ценностей, терминализацию индивидуалистических ценностей, следует исходить из того, что указанные изменения ограничиваются существующим ценностным набором, что привязка к индивидуалистическим и коллективистским ценностям является детерминированной внешними обстоятельствами и субъективной значимостью ценностей. Иными словами, жизненные стратегии россиян выстраиваются в зависимости от личной ресурсности, схем коллективного опыта и стереотипов повседневности. Остановившись на этом моменте, следует также подчеркнуть, что наблюдается процесс изменения жизненных стратегий и дело в том, что для респондентов, как показывают результаты вышеприведенных социологических исследований, модель успеха претерпевает изменения, связанные с тем, что в российском обществе появились новые социальные группы, прежде всего высокопрофессиональные городские слои, вступили во взрослую жизнь новые постсоветские поколения и модель успеха уточняется в рамках регулирования жизненных запросов и потребностей.

Так как модель успеха обнаруживает определенные ограничения и в том, что перестало быть престижным, и на респондентов оказывает влияние возрастание социальной неопределенности, неуверенность в будущем, важным моментом становится переход к самоинвестирующимся стратегиям, связанным с расширением возможностей образования, работы, сбережения, здоровья. Наступившие социальные реалии обнаруживают тенденцию и сокращения социального патернализма, и перехода к заботе о себе, своей семье на качественно новый уровень. Речь идет о том, что реактивные стратегии расширяются, в связи с ускорением нисходящей социальной мобильности, появлением новых бедных, а инструменталистским стратегиям свойственно

суженное воспроизводство, так как практически размывается нижний средний класс, у которого перспективы перехода к ядру среднего класса становятся призрачными, в контексте наступившего социально-экономического кризиса.

Пока работает инерционность и наблюдается возобновление модели потребительского успеха, но в связи с нарастающими социально значимыми проблемами, такими как рост цен, падение доходов, выявляется тенденция рационализации инструменталистских стратегий, в которых модель успеха связана с моделью разумного потребления. В этом контексте важным становится то, что инструменталистские стратегии, не переставая быть нацеленными на успех, аксиологизируются: в социально фиксированных установках просматривается нацеленность на принятие бережливости, рациональности, согласно которым устанавливаются предельные нормы приобретения и потребления.

Следует подчеркнуть, что для российских респондентов становится правилом принимать коллективистские ценности как ценности ожидания, как то, что может быть воплощено и в настоящем, как приближение к идеалу. Речь идет о том, что, согласно результатам социологических исследований, респонденты говорят о необходимости выздоровления российского общества, хотя бы в рамках удержания спокойствия и недопущения раздраженности, озлобленности и агрессии [1].

Развитие инструменталистских стратегий показывает, что происходит модификация социальных установок, возникает ситуация принятия терминализации инструменталистских ценностей, то есть принятие для налаживания социальных коммуникаций, определение налаживающих смыслов для совместных действий на социальном микроуровне, на уровне повседневной активности. Вместе с тем, есть тренд прагматизации коллективистских ценностей, запрос на коллективистские ценности, которые бы носили не только привлекательный характер и в символичности, и в связи с традициями, но и определялись как ценности работающего общества, работающей демократии.

Рассматривая этот аспект можно говорить, что кроме тренда встречного движения коллективистских и индивидуалистских ценностей в рамках жизненных стратегий россиян до сих пор просматривается установка на индивидуализм, основанный на модели успеха. Хотя для высокопрофессиональных слоев населения успех включает установки на социальную самореализацию и социальную полезность, было бы несвоевременно говорить о том, что в России респонденты сформировали ясный и последовательный запрос на систему новых коллективистских ценностей.

Что же касается аксиологического аспекта, нуждается в разработке кодекс гражданского поведения, подобно к тому, как в Москве принят кодекс москвича. Не переоценивая значение добровольной регламентации, можно говорить о том, что коллективистские ценности нуждаются в локализованности, прикрепленности к месту жительства укреплению локальной и региональной идентичности.

В российском обществе чрезвычайно высока притягательность общегосударственных ценностей, вера в российское государство и цивилизационное своеобразие. Вместе с тем очевидной становится проблема коллективистских ценностей на региональном и локальном уровнях, которые бы заполнили вакуум между индивидуалистическими ценностями и коллективистскими ценностями высшего уровня. В конечном счете, с тем, каким образом базовые интегративные ценности получают подкрепление в виде локальных и региональных, зависит становление перспективы совместных практик, перевод инструменталистских стратегий в стратегии позитивного личного участия.

Парадокс заключается в том, что модель успеха основана на принципе "жить не хуже других", что содержит установку на нивелируемость. Однако, нельзя считать установку на яркую индивидуальность только декларированием, самообманом, уходом от серости. Вероятно, заявляя о приверженности индивидуальности, респонденты строят свою позицию на том, что в жизненных

стратегиях они испытывают себя как личность, не зависят от помощи и мнения других, а "жить как все" является смирительной установкой и предопределяет заниженные социальные ожидания, может привести к иммобилизации личности.

Оценивая перспективы инструменталистских стратегий можно говорить о их сближении с стратегиями солидаристскими. Проблема заключается в том, что на уровне социально фиксированных установок, которые разделяются представителями обеих типов жизненных стратегий есть определенный лаг, связанный с тем, что инструменталисты включают механизмы рациональной мотивации индивидуалистических стратегий, в то время как очевидно из позиций сторонников стратегий социальной полезности, в них просматривается стремление выделиться, по сравнению с инструменталистами, в контексте принятия уже профессиональных и сословных ценностей как коллективистских.

Иными словами, для инструменталистов не открываются горизонты ассоциирования с профессионалами, которые считают, что в жизненных стратегиях надо работать на будущее, на завтрашний день. Это связано не только с накоплением ресурса прочности, «подушк» и личной безопасности, но и с тем, что является личным капиталом, в частности хорошее образование и нужные знакомства и честолюбие. Таким образом, в стратегиях сторонников социальной полезности просматривается определенный элитизм, претензии на лидерство в обществе. В то же время, следует подчеркнуть, что, так как сторонники стратегий социальной полезности включают жителей крупных городов (мегаполисов) имеющих более широкий коридор возможностей для реализации профессиональных и жизненных устремлений, ориентация на ценности социальной полезности выражены своеобразно. Речь идет о том, что в ситуации, когда общество испытывает влияние кризиса, возрастает риск корпоративной отчужденности, столичного высокомерия.

При нынешнем невысоком качестве социальных коммуникаций, несмотря на развитие интернет структур, коллективистские ценности

подвергаются приватизации, присвоению отдельными группами по "тусовочному" принципу, что значительно осложняет влияние коллективистских ценностей, как потенциала солидаризации российского общества. Можно констатировать, что высокие коллективистские ценности, связанные с служением обществу, общественным долгом, ощущением принадлежности к стране и российскому народу не преодолели фазу социальной апатии.

Очевидно, что в рамках модели успеха преодолевается индивидуализм, направленный на нечестную конкуренцию, удачу и выявляется более стабильные основания успехов, как профессионализм и интересная работа. Необходимо подчеркнуть, что таким образом в массовом сознании утверждается приемлемость стратегий социальной полезности, как направленной на социальное самоинвестирование, на то, чтобы преодолеть трудности, используя достигнутые социальные ресурсы.

Иными словами, в стратегиях социальной полезности растет понимание того, что есть запрос на коллективистские ценности не только свободы, которые носят несколько отвлеченный характер, но и социальной защищенности, социального благополучия. Между тем, разрыв между представителями инструменталистских стратегий и сторонниками стратегий социальной полезности сохраняется в прежнем виде, в основе которого лежат различия в социально-профессиональном статусе, месте жительства.

Для россиян коллективистские ценности перестают быть символическими и определяемыми только отношением к стране (государству). Важным становится общественное участие, основанное на институтах работающей демократии и социального государства, в котором коллективистские ценности влияют на конкретную политику. Также, следует подчеркнуть, что в рамках реализации поставленной цели исследования, становится ясным, что для россиян переход от индивидуалистических к коллективистским ценностям не является реабилитацией старого коллективизма. Отношение к стране, внешне сохраняя преемственность

государствоцентричной традиции, становится отношением к стране, где востребованных чувства гражданского достоинства и социальной ответственности.

Нельзя при этом слишком надеяться на низовую инициативу. Чувство солидарности воспитывается целенаправленной деятельностью институтов гражданского общества, что не следует исходить из того, что возникают точки самоорганизации, которые сливаясь дают массив коллективизму. Заданность вектора коллективизма не должна также уходить от того, что коллективизм возможен только при соотнесении с индивидуализмом, с ценностью личностных качеств индивида, определением границ его самостоятельности и автономии. В этом смысле можно говорить о том, что культура коллективизма находит отражение в связи между действием и смыслом, в том, что каждое действие является выбором индивида, и речь не идет о жесте заботы об обществе. В том, что среди россиян просматривается систематизация действий, направленных на то, чтобы достиженческие стратегии стали стратегиями большинства, есть рациональное обоснование модели успеха, как модели самореализации. Переход от ценностей к действию возможен при принятии ценности социальной самореализации и полезности, как ценности общего блага, как ценности добра. При этом смысл, содержащийся в переходе от ценности к действию связан с самоконтролем индивида, с осознанием того, что есть взаимосвязь между людьми и достижениями.

Во-первых, тот факт, что традиционные символические ценности себя исчерпали свидетельствует о переходе российского общества на этап осознанных ценностей. Восприятие ценностей, как традиции, безусловно, имеет позитивное значение в признании культурно-цивилизационного своеобразия России.

Во-вторых, важно подчеркнуть, что ссылка на цивилизационную самобытность не может быть процедурой легитимации индивидуализма на межличностном уровне. Формула "мы коллективисты по отношению к стране, но боремся каждый за себя" в современных условиях не имеет перспектив, так

как российское общество нуждается в социальной консолидации, в определении общих целей и приоритетов развития, и настройке социальных ожиданий на коммунитарные версии индивидуализма, проявление личного оптимизма, как жизнеутверждения.

В-третьих, в данных условиях общественная апатия преодолевается в рамках релегализации коллективистских ценностей и становится базой для различных общественных инициатив.

Литература

1. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К.Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М.К., Петухов В.В. – Москва: Издательство Весь Мир, 2015. 432 с.

Феномен мифологизации истории как инструмент конструирования общероссийской идентичности на Юге России*

Губарев И.В.

Аспирант Института социологии и регионоведения ЮФУ

Советская идентичность представляла собой отождествления «я – советский человек», «мы – советские люди». Однако, с течением времени в идеологии и пропаганде СССР делался акцент на различные компоненты идентичности его граждан. Существует возможность выделить три варианта конструирования советской идентичности. Первый берет свое начало с февральской революции и установления советской власти в стране, когда основополагающими были провозглашены классовые, интернациональные категории, призванные создать новый тип людей, стоящий над этническими и государственными границами. Переход на второй вариант произошел в годы индустриализации, а особенно Великой Отечественной войны. В это время закономерно усилились патриотические тенденции в формировании советского самосознания, уже неразрывно связанного с принадлежностью к Родине и ее историческому прошлому. Наконец, третий вариант связан с началом холодной войны, в период которой интернациональная роль СССР рассматривалась не только с точки зрения классовых, но и общечеловеческих, гуманистических принципов, таких, как борьба за мир, разоружение, деколонизация и т. п. Внутри самого государства интернационализм советских людей осмысливался и через идею этнической гармонии, связанной с образами единства населения союзных республик и других народов, населявших страну. Все это обеспечивало многоуровневый синтетический характер советской идентичности, которую можно назвать также идеологической (коммунистической) [1].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-03-00545-ОГН «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности»

Особое внимание в СССР уделялось «нормам социалистической жизни», подлежащим культивированию в обществе. Советские исследователи на теоретическом уровне выявили критерии идеальной советской идентичности: коллективизм, высокое достоинство труда, интернационализм, сознательность через высокий уровень осмысленности жизни [2]. На данный момент, когда тип «советский человек» уже не формируется коммунистической пропагандой, а подвергается рефлексии с других позиций, существует полемическое многообразие мнений в оценке и даже интерпретации его качеств [3]. Так, например, в результате исследований Ю.А. Левады, было выявлено, что у современного населения Российской Федерации советский человек предстает деиндивидуализированным, «массовидным», простым до примитивности, зависимым от государства, а от того инфантильным [4]. Стоит отметить, что тезис об «инфантильности» активно оспаривается Р.Р. Вахитовым, как возникший во многом на фоне банкротства реформ 1990-х гг., которые не приняли «обычные советские люди, умеющие строить заводы, города, самолеты и ракеты, побеждать в войне и осваивать целину, но не умеющие “крутиться”, “спекулировать”...» [5].

События конца 80-х – начала 90-х годов XX века, повлекшие за собой распад СССР, привели также к утрате общегосударственной идентичности и усилению этнического самосознания. Юг России исторически является полиэтническим и поликонфессиональным регионом, в котором данные процессы актуализировались особенно сильно. На настоящий момент перед Правительством Российской Федерации стоит важная задача по конструированию общероссийской идентичности. Особенно стоит отметить сложные геополитические условия, сложившиеся в исследуемом регионе. События на территории Украины, повлекшие за собой социально-политический и экономический кризисы в стране, воссоединение Крыма с Россией, а также участие Вооруженных сил Российской Федерации в борьбе с ДАИШ на территории Сирии ставят острую необходимость в консолидации многонационального населения Юга России.

Как утверждает У. Кимлики, «все современные государства проводят «политику идентичности», направленную на интеграцию сообщества, формирование определенного представления о Нас, опирающегося на те или иные интерпретации истории культуры» [6]. Национальные символы и государственный язык являются главными инструментами политики идентичности. Особую роль в процессе конструирования общегосударственной идентичности играет мифологизация истории.

Сам по себе миф является повествованием, происходящим в особом времени. Действующие лица и предметы в мифологическом тексте обладают необычными свойствами, им приписывается высшее значение. В современном мире принято считать, что мифологизация характерна для человеческого мышления периода Древнего мира. Тем не менее, мифологические высказывания присутствуют и в современных текстах, так как определенные аспекты и функции мифического мышления являются конститутивными для человека.

Стоит отметить, что мифы лежат в основе абсолютно любой культуры, а столь разнообразная его трактовка позволяет говорить об универсальности мифа. Мифы созданы управлять поведением человеческих масс и коллективным сознанием. Это достигается за счет того, что мифология как система мифов проста и понятна абсолютно всем и оперирует такими образами, которые с легкостью можно воспроизвести визуально. Мифы взывают не столько к человеческому разуму, сколько к его эмоциям и чувствам.

В современном мире миф становится предметом сознательных манипуляций в политике, в строительстве государства, в идеологии. Особенную актуальность мифологизация получает в процессе исторических переломов, когда общество находится в поиске ориентиров, социокультурных ценностей, самоидентификации.

Для того, чтобы сформировать общегосударственную идентичность, необходимо начать поиск корней государства, великих событий в истории и деятелей. Зачастую такое конструирование сводится к удревнению нации и

ученые прибегают к мифологизации истории (ярким примером данным процессам является форма конструирования национальной идентичности населения Украины), что можно понимать, как «процесс превращения народа в нацию на основе линейности и абсолютизации континуитета в истории этноса–народа–нации» [7].

В первое десятилетие после распада СССР администрация Президента РФ Б.Н. Ельцина предприняла неудачную попытку конструирования общероссийской идентичности «россиян». Причинами провала данной стратегии явились не только имидж самого первого Президента и неудачи во внутренней политике: Чеченские компании, экономический дефолт и др., но необходимо отметить, что российская национальная идентичность – ее характер и особенности, является наиболее мифологизированной. Современный миф о России сложен, противоречив и иерархичен. Этот миф создан при помощи мифологем различного уровня. На бытовом уровне – это «водка», «холод», «гостеприимство», «борода» и так далее. На психологическом уровне – это «терпение», «эмоциональность», «коллективизм», «чувство долга». На политическом – «пассивность», «коррупция» и «необходимость в жёстком управлении». Самым высшим уровнем мифотворчества является философско-исторический миф – русская идея. Миф о русской идее остается до сих пор непознанным не только иностранцами, но и самими русскими. Н. Бердяев определяет русскую идею как «замысленное Творцом о России». Можно сделать вывод, что данная дефиниция является продолжением понимания русской идеи В. Соловьевым. В конечном счете представления о русской идее у этих двух философов сводятся к осмыслению того, что Россия – это не Запад, а Запад – не Россия. Возможно также, что Россия – это не просто не Запад, а сверх-Запад [8].

В современном понимании миф считается вечным способом упорядочивания реальности. Стереотипы, приняв форму мифологем, определяют поступки людей. Получается, что в основе мировоззрения лежит именно миф и миф переводит отвлеченную информацию к действиям. В итоге,

миф создает определенную картину мира, выступает для коллектива определенным верованием и является механизмом консолидации общества. Благодаря мифам формируется общественное мнение, мифы активно используются в политической пропаганде.

Таким образом, в современных условиях наиболее надежным и эффективным инструментом конструирования общероссийской идентичности является мифологизация истории. Однако необходимо подчеркнуть, что использование данного инструмента с целью исказить, либо же переписать историю изучаемого региона недопустимо. Этнокультурное многообразие Юга России формирует пестрое множество форм исторической памяти каждого из этносов, проживающих на данной территории. Кроме того, спецификой данного региона является непрерывное поддержание актуальности данного феномена. Зачастую, именно историческая память этносов является причиной конфликтов между ними, поэтому в данном случае мифологизация может выступать сглаживающим и консолидирующим инструментом

Литература

1. *Кортунов С.В.* Национальная идентичность. Постижение смысла. М.: «Аспект-пресс», 2009. С.43.
2. *Гуревич П.С.* Пропаганда в идеологической борьбе. М.: «Высшая школа», 1987. С. 185-187.
3. *Федосов Е.А.* Советский человек: пропаганда или реальность? // Русин. 2014. №4 (38). С. 141.
4. *Гудков Л.Д.* Перерождения «советского человека» (Об одном исследовательском проекте Левада-центра) // Научный альманах «Одиссей: Человек в истории» / Отв. редактор Чубарьян А.О. 2007. № 1. С. 412-413.
5. *Вахитов Р.Р.* Соломинка и бревно, или об инфантилизме советского человека // Литературный журнал «Бельские просторы». 2003. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://belsk.ruspole.info/node/2290> (дата обращения: 09.09.2018).

6. *Малинова О.Ю.* Символическая политика и конструирование макро-политической идентичности в постсоветской России // *Полис.* – 2010, №2. С.93.

7. *Томайчук Л.В.* Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana).* – 2012, №3. С. 52.

8. *Коротин В.О.* Мифологизация как инструмент конструирования национальной идентичности // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс.* 2015. Т. 3. № 6 (28). С. 36-39.

Институциональная система социальной безопасности российского общества: общие цели и интересы социальных субъектов*

Данелюс Д.В.

Аспирант Института социологии и регионоведения ЮФУ

Россияне выстраивают жизненные стратегии в соответствии с семейными и личными ценностями. Проблемное поле социальной безопасности воспринимается как системное, находящееся в сфере компетентности властных структур. Вместе с тем, в массовом сознании проявляется запрос на устойчивую структуру социальной безопасности и формирование каналов на разработку и реализацию программ социальной безопасности в российском обществе.

Можно говорить о том, что российское общество отошло от формулы бессубъектности, от того, чтобы понимать проблемы социальной безопасности исключительно как монополию политических элит. Но, социальная безопасность в российском обществе в 90-е годы была связана с отсутствием консенсуса в элитарных кругах общества, единства по стратегическим вопросам [1]. В настоящий период достигнут определенный консенсус внутри элит и главное с обществом по основным проблемам внешней безопасности, но, как отмечалось ранее, социальная безопасность охватывает более широкий спектр проблем, связанных с социальной стабильностью в обществе, легитимацией властных структур и преодолением утилитарного отношения к социальной безопасности.

Равенство противоположных оценок единства российского общества свидетельствует о том, что российское общество «расколото» по вопросу единства под влиянием негативных факторов, связанных с ухудшением социальной ситуации и ростом разобщенности и агрессивности на уровне социальных коммуникаций. Но, одновременно, просматривается согласие по

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 16-33-01131-ОГН «Социальные и гуманитарные технологии профилактики и противодействия агрессии, экстремизму и терроризму на Юге России в контексте геополитической конкуренции в Черноморско-Каспийском регионе».

поводу сохранения пределов социальной безопасности в рамках недопущения открытых социальных и политических конфликтов, способных привести к хаосу и беспорядку, на фоне которых социальное самочувствие характеризуется ростом новых тревог и страхов. Независимо от позиций респондентов, очевиден компромисс в определении целей социальной безопасности как порядка, направленного на снижение социальной напряженности и социальной фрустрации в российском обществе.

Рассматривая данную проблему, можно говорить, что в российском обществе сложился консенсус относительно приоритета социальной безопасности, связанной с законностью, порядком и справедливостью, но в то же время следует подчеркнуть, что данная формула, хотя в целом и отражает сходство позиций россиян, имеет существенный ценностный дифференциал и не связана с базовыми ценностями, понимаемыми как основные жизненные смыслы, определяющие отношение индивидов к окружающей действительности и детерминацией модели социального поведения [2]. Важно в процессе исследования выявить, какое значение имеют институциональные установки в функционировании системы социальной безопасности, как влияют на социальную активность в российском обществе и формируют восприятие институциональной системы социальной безопасности.

Анализируя общие интересы и цели субъектов институциональной системы социальной безопасности в российском обществе, можно говорить о том, что ориентированность на социальный микроуровень приводит к выстраиванию иерархии ценностей, в которой доминирующее место занимает инструментальный активизм. Жизненные смыслы россиян сконцентрированы в сфере семейной и личной жизни, отсюда повышенное внимание к проблемам личной безопасности и круга семьи и знакомых. Подчеркивая этот факт, можно говорить также о том, что в рамках действующей схемы институциональных установок российского общества, проявляется дуализм, при котором сфера локальных интересов формирует прагматическое пространство, в то время как

наблюдается если не нулевая, то незначительная мобилизация вокруг систем идейно-политических ценностей [2].

Сейчас речь не идет о социокультурном расколе общества на консерваторов советского образца и либералов западного образца, характерный для 90-х годов. Институциональные установки акторов социальной безопасности показывает формирование устойчивого ядра носителей новой «обывательской» субъектности, для которой характерна высокая степень активности в достижении собственных идеалов и целей и формирование достиженческих моделей, где основным является критерий личного успеха. При рационализации отношения к окружающему миру социальная безопасность понимается прежде всего, как система, обеспечивающая социальных комфорт. В рамках понимания социальной безопасности также наблюдается «вымывание» альтруистского аспекта и доминирует критерий прагматизма. При этом наблюдается расщепление государственноцентричной модели: с одной стороны – россияне испытывают веру в государство, понимание того, что сохранение государства является основным условием существования единства и целостности общества. При этом, как отмечалось ранее, испытывают прохладное отношение к «персонализированной» власти, к российским элитам и «чиновникам».

В целом можно утверждать, что выявляется парадокс, когда действие стандартных институциональных установок, не определяет самоорганизацию и взаимодействие на межличностном уровне. Также, как и тот факт, что консерватизм ценностных установок ограничивает активность в институциональной системе социальной безопасности путем возложения миссии за социальную безопасность на государство. Рассматривая ценностные установки россиян, целесообразно сформировать определенную классификацию, связанную с выявлением ценностей, способствующих повышению социальной субъектности, ставящих социальную субъектность в подчиненность иным ценностям, а также бесценностный дрейф в отношении социальной субъектности в сфере социальной безопасности. Имеется в виду,

что сложившаяся иерархия ценностей в российском обществе при том, что не является схемой воспроизводства раскола на либералов и консерваторов, обнаруживает отсутствие ядерных ценностей, способных консолидировать общество и сделать поведенческие модели сбалансированными в отношении восприятия окружающей действительности и согласования социальных интересов.

Социальная безопасность не является высшей установкой в российском обществе, поскольку в той или иной степени связана с такими понятиями, как социальная справедливость, законность, порядок, равенство. Между тем, судя по динамике настроений россиян, российское общество нуждается в интерпретации социальной безопасности как интегрирующей, базовой ценности, позволяющей нарастить социальную субъектность как осознание и деятельность ответственных индивидов и групп. Анализируя ценностные установки россиян можно говорить о движении к определенному синтезирующему состоянию, когда происходит сращивание фундаментальных и инструментальных ценностей. Когда фундаментальные ценности, связанные с социальной гармонией, с честностью, порядочностью, зафиксированные как безусловные моральные императивы конвертируются в практические действия, связанные с социальной полезностью, активностью, реализацией социальной эмпатии.

М.К. Горшков делает вывод о том, что россияне в своей массе воспринимают понятия свободы, справедливости, порядка как ценностей в равной степени необходимых для нормальной жизни общества в целом и каждого гражданина [3]. Соглашаясь, в целом, с этой мыслью, следует говорить о том, что для россиян социальная безопасность, не являясь самоценностью, является интегративным качеством таких параметров как законность, достаток, эффективно функционирующие институты, моральное оздоровление общества. Через призму социальной безопасности реализуются ожидания общества о желаемом, настоящем и будущем. Между тем, ценностные установки россиян, связанные в нынешней ситуации с преобладанием индивидуалистических

ценностей, не позволяют надеяться, что через консенсус относительно социальной безопасности общество может прийти к новым коллективистским ценностям и на этом основании ожидать рост социальной субъектности.

Очевидно, что проблемы социальной безопасности могут обрести мобилизирующее воздействие, если определяются тем, чтобы снизить уровень социальной неопределенности и обеспечить рост уверенности в будущем, осознание жизненных перспектив различными социальными группами российского общества. В этом смысле встает вопрос: институциональные установки каких групп российского общества наиболее соответствуют реализации модели социальной субъектности в сфере социальной безопасности?

Перераспределение жизненных интересов в сторону общественного участия в социальной безопасности происходит по мере расширения социальных связей и если говорить о корреляции ценностей социальной безопасности с материальным положением, то, как отмечалось ранее, социальное позиционирование высокообеспеченных групп, где достиженческие ценности связаны с личным успехом, социальная безопасность выступает как инструментальная ценность, ценность второго порядка, которая конвертируется в прагматические институциональные установки.

Для малообеспеченных слоев населения, для которых социальная безопасность воспринимается как социальная опека государства, ее ценность привязана к социальной справедливости, локализована на проблемах социальной опеки. В российском обществе наблюдается повышение интереса к социальной безопасности как полю социальной деятельности, но в ценностной картине ее влияние просматривается неопределенно. Это состоит в том, что, не входя в число базовых ценностей российского общества, хотя, имея значительный консолидирующий потенциал в рамках интереса к проблемам социальной безопасности, отношение к ней связано с перспективами общественного участия, но не с личными качествами.

Российское общество не достигло состояния того, что Ф. Фукуяма называет сочетанием традиционной культуры и современных институтов [4]. Возможности объединиться и действовать сообща ради достижения общих целей в сфере социальной безопасности требует необходимого вмешательства государства для выполнения организующей функции, на которую профессиональные группы не способны. Проблема заключается в том, что социальная безопасность представляет продукт целенаправленной деятельности властных институтов, выработки у различных групп позиции взаимных обязательств в сфере безопасности. Когда речь идет о потенциале саморегуляции, самоорганизации российского общества, здесь имеется в виду создание сетевых отношений в обществе, способных вывести на понимание проблемного поля социальной безопасности. Но то, что кажется прагматической мотивацией, может являться результатом стремлений к легитимации, признанию и, следовательно, в этом открываются перспективы социальной субъектности в сфере социальной безопасности.

Россияне испытывают достаточно высокий уровень толерантности к социальным рискам. Можно предположить, что у них не сформировалась культура тревоги, свойственная западному обществу, которая во многом конструируется группами, извлекающими социальный профит из воспринимаемых, как значимые, проблем. Поэтому можно сделать вывод о том, что, избегая популизма и «коммерциализма» в перспективе расширения субъектной конфигурации в институциональной системе социальной безопасности, необходимо определять социальную безопасность как универсальную ценность, имеющую коммуникативный смысл в сближении личностных и коллективистских ценностей. Рост статуса субъекта институциональной системы социальной безопасности связан с принятием установки на социальную безопасность как интегративную ценность, ориентированную на понимание того, что социальная безопасность образует сферу личного и общественного комфорта, гарантирует надежный уровень социальной уверенности в будущем, без которой невозможно развитие

российского общества и в рамках единого социального пространства, и на региональном уровне.

Литература

1. Социальная безопасность российского общества. Ростов-на-Дону, 1999. С. 90.
2. Базовые ценности россиян. М., 2003. С. 12.
3. *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть. Т.1. М., 2016. 338 с.
4. Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. 158 с.

Особенности формирования исторической памяти в процессе социализации молодежи

Демиденко А.С.

Аспирант Института социологии и регионоведения ЮФУ

Как показывает исторический опыт, периоды социальных преобразований, перемен и реформ являются переломными периодами в развитии общества. Сегодня российское общество находится на таком историческом пути. В условиях изменения социально-экономических отношений, типов хозяйствования, растущем контрасте между социальными слоями, увеличением роли индивидуализма и индивидуальности, появлением более сложным толкованием идей социальной справедливости, распространением информационных технологий происходит смена системы ценностей и норм молодого поколения. Данные факты обуславливают неустойчивость и противоречивость ряда социальных процессов, в том числе и процесса социализации молодежи

В лексиконе общественных дисциплин термин «социализация» появился в XIX веке. Первым его ввел Ф. Гиддингс, американский социолог, который был автором книги «Теория социализации». Весомый вклад в теоретическое изучение внесли Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс, Н. Смелзер, Г. Тард и др. В отечественной социологии также занимались изучением социализации: выдвинуты содержательные идеи и положения К.Д. Ушинского, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, А.С. Макаренко, Г.М. Андреевой, И.С. Кона.

Теория социализации, основываясь на различных подходах, имеет множество определений. В большинстве выделяется процессуальная сторона данного явления. К примеру, «социализация определяется как «двусторонний процесс: 1) постоянной передачи обществом и 2) освоения индивидом в течение всей его жизни социальных норм, культурных ценностей и образцов поведения, позволяющих индивиду функционировать в данном обществе» [5]. Или «социализация – это процесс усвоения индивидом образцов поведения,

психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования индивида в данном обществе» [4]. Помимо этого, делается акцент на формирование социальных групп, а также их устойчивое существование за счет включения новых членов к социальным ценностям и нормам данных групп.

Стоит отметить, что социализации неразрывна с социальным возрастом. Для молодого поколения она вызвана этапом социализации, которая включает завершение первичной и начало вторичной социализации. Важной чертой первичной социализации выступает начальное освоение индивидом окружающего мира через «понимание другого». В процессе общения с окружающими его людьми ребенок усваивает общие ценности. На данном этапе главенствующая роль принадлежит семье как агенту социализации.

Вторичная социализация имеет свои принципиальные особенности. В частности, с учетом ранее освоенной объективной реальностью для индивида он сам, ближайшее окружение и также общество предстают совершенно иными: социальные роли деиндивидуализируются, теперь они начинают восприниматься как заменяемые. В сознании постепенно происходит абстрагирование от установок и ролей конкретных других до ролей и установок вообще [3]. В этот период снижается роль семьи как важного агента социализации.

Сложность социализации молодежи заключается в том, что новые адаптационные процессы накладываются на ранее пройденные на этапе первичной социализации. По этой причине появляется проблема согласованности между первоначальными социальными адаптациями. Как мы видим, социализация представляет собой достаточно сложный и многогранный процесс.

Социализация длится на протяжении всей жизни человека, однако, она не является пассивным восприятием субъекта уже существующих установок, норм и общественных отношений. Человек в процессе своего развития, активно познавая окружающую действительность, постепенно формирует личное

мировоззрение [2]. Однако за последние три десятилетия процесс социализации молодежи происходит в условиях изменения функционирования социальных институтов. Сегодня молодые люди в своем окружении сталкиваются с элементами разрушения и/или разложения прежних общественных структур.

В этой связи особенно актуальной становится вопрос поиска эффективных механизмов регулирования процессов социализации молодежи. Наряду с традиционными факторами социализации (общество, государство, СМИ, семья и пр.) особое место занимает историческая память. Она, выступая одним из важных элементов общественного сознания, регулирует жизнь людей.

Согласно Ж.Т. Тощенко, историческая память – это «определённым образом сфокусированное сознание, отражающее значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим» [6]. Иными словами, историческая память выступает выражением процесса сохранения, воспроизводства и организации прошлого опыта государства, народа или страны для его дальнейшего использования в жизни и деятельности людей.

Историческая память, являясь проекцией прошлого в контексте современных социокультурных реалий, выступает формой социальной практики, которая выражается в наборе повседневных знаний о прошлом, основным критерием которого является солидарность.

Нестабильная ситуация во многих сферах жизни нашего общества, а также разрыв межпоколенческих связей влекут за собой процессы воспроизводства исторической памяти, тем самым обостряя проблемы социализации российской молодежи. Однако в наши дни стала культивироваться идея формирования нравственно и духовно здоровой семьи [1], так как именно преемственность поколений является важным связующим звеном формирования исторической памяти.

Также все чаще можно увидеть то, как молодежь стремится внести личный вклад в сохранение ценности истории, а также ее символов и объектов: восстановление памятников истории, участие в патриотических мероприятиях и пр.

Таким образом, можно сказать, особенно актуально в молодежной среде стоит вопрос сохранения исторической памяти, так как в дальнейшем это может помочь в выработке ценностных ориентаций, и, как следствие, содействие в позитивной социализации современной российской молодежи.

Литература

1. *Абрамкина С.Г., Еньшина Н.А.* Проявление исторической памяти студенческой молодёжи в сфере семьи и досуга// Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 375-378.

2. *Асланов Я.А.* Формирование патриотизма в процессе социализации российской студенческой молодежи (на примере Ростовской области): дис... канд. социол. наук. Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону. 2016.

3. *Ковалева А.И., Луков Вал.А.* Социализация: социально-философский, социологический и социально-психологический аспекты понимания // Философия и культура. 2012. №3. С. 32

4. Российская социологическая энциклопедия / под общей редакцией академика РАН Г. В. Осипова. М. : НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 478

5. Социология молодежи: энциклопедический словарь / отв. ред. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров. М. : Academia, 2008. С. 442.

6. *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2004. № 4. С. 4

Политика исторической памяти как геополитическая стратегия контроля над пространством: проблемы взаимоотношений акторов Черноморско-Каспийского региона*

Зарбалиев В.З.

Магистрант Института социологии и регионоведения ЮФУ

Историческая память – один из факторов современной мировой политики. Немаловажное значение отводится оценкам событий, совершившихся относительно незадолго до настоящего времени – особенно событий прошлого столетия. В последнее время в центре внимания глобальных объединений, международной общественности, авторитетных СМИ постоянно находятся причинно-следственные взаимоотношения, в большинстве случаев, серьезных столкновений, уровень присутствия в них сильных государств. Очевидно, что целесообразно провести глубокое исследование подобных случаев, включая обнаружение упущений в международном праве.

Тем не менее, в последние годы возникают прозападные идеологи, утверждающие о том, что предшествующие поколения будто бы не так жили, иначе совершали военные столкновения, следовательно, память о них в достаточной степени носит противоречивый характер. Всё это выглядит по меньшей мере ненаучно, потому как идёт наперекор с центральным принципом исторической науки – принципом историзма, подразумевающим обусловленность событий конкретно-историческими условиями, в которых они происходят. Выходит, что в нынешнем столетии с высоты реалий текущего момента обнаруживаются в достаточной мере индивидуальные, а нередко искривленные оценки наиболее важных катастрофических событий прошлого времени, отражающиеся главным образом в обыденном сознании людей. Такого рода подход обладает не историографическими, а политическими мотивами.

* Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

Мысль о том, что каждое поколение несёт на себе зримые следы социальных и политических событий эпохи своей юности, не нова, о чём пишут Г. Шуман и Ж. Скотт. Историческую память можно охарактеризовать как «часть исторического сознания, которая подпитывается как систематизированной (через образование), так и неупорядоченной, случайной (через средства массовой информации, произведения искусства) информацией».

Рассматривая историческую память о мировых войнах как проблему политической конфликтологии, О.Н. Коршунова и Я.М. Поливанов предостерегают: «Чем больше отдаляется военное прошлое, тем сложнее становится механизм его воспроизведения... Стремление к переосмыслению прошлых классических, историографических и официально одобренных версий и ракурсов интерпретации событий Второй мировой войны не должно превращаться в оправдание манипуляции памятью для дезориентации и политизации по принципу «от обратного» [2].

Разрушение единой картины прошлого приводит к утрате людьми собственной идентичности, в результате чего ранее единый народ перестает ощущать себя таковым. Трансформация представлений о прошлом нации может служить инструментом мобилизации (например, посредством внедрения образа «вечного врага» или представлений о мессианстве), либо привести к падению «условной пассионарности» (например, посредством разрушения пантеона героев). За счет наличия этих ресурсов политика памяти превращается в значимый канал управления широкими массами, что позволяет отнести связанные с ней сюжеты к априорно актуальным. Существует мнение, что в постиндустриальных и информационных обществах мемориальная политика уже не играет прежней роли (в связи с общим падением интереса к истории и развертыванием процесса глобализации, нивелирующего культурные различия между народами и снижающего значимость традиционных идентичностей).

По мнению большинства экспертов, исторические мифы всегда представляют собой манипулятивный инструмент. Последнее обуславливает

наличие у них таких обязательных признаков, как искусственный характер и наличие политических целей. Данные обстоятельства позволяют предположить, что исторический миф является разновидностью политического мифа, построенной преимущественно на основании исторического материала.

Как и у всякого социального явления, у исторической политики есть положительные и отрицательные черты. Отрицательные черты выделили значительно раньше положительных. Так, Миллер, подчеркивая, что история как наука должна быть максимально объективна и свободна от идеологии, приводит четыре идеологических обоснования исторической политики: «История и память представляются... как арена политической борьбы... противником», «утверждается, что “все так делают”, чем в глазах общественности оправдывается очевидное нарушение принципов функционирования наук об обществе», «считается очевидным, что внешний противник неустанно стремится утвердить такую интерпретацию событий прошлого, которая вредит нашему отечеству», «предлагается (временно) принести в жертву плюрализм в учебниках и концепциях».

Тем не менее, к положительным чертам исторической политики можно отнести создание непротиворечивой, объединяющей все общество интерпретации истории, формирование аргументации во внешних и внутренних спорах, касающихся вопросов суверенитета, приглашение к широкой дискуссии историков и широких слоев общества [3].

Современный геополитический этап, характеризуется возрастанием взаимопроверочий, локальных конфликтов, ростом процессов регионализации. Сложившаяся после 1991 года Беловежская система международных отношений, привела к однополярности мира во главе с США. Однако в настоящее время глобальная гегемония США идет на спад, ввиду укрепления различных сфер самостоятельных игроков международной арены, которые отстаивают свои интересы и при помощи различных технологий распространяют свое влияние на регионы мирового

геополитического пространства. Помимо самостоятельных суверенных игроков все усиливают свою активность наднациональные и транснациональные организации.

Свои геополитические цели государства на международной арене реализовывают при помощи различных технологий. Если в Древние времена спектр технологий был невелик, то с каждой сменой исторических эпох появлялись новые методы. С развитием государств, произошло усложнение и появление новых технологий реализации геополитических интересов.

В настоящее время одним из регионов столкновения международных акторов является Черноморско-Каспийский регион. Этот регион, являясь своеобразным мостом, который соединяет Европу с Азией, притягивает к себе в настоящее время всех ведущих мировых геополитических игроков, а в дополнение огромное количество природных ресурсов, прежде всего углеводородного сырья придает этому региону важное геополитическое значение. Черноморско-Каспийский регион имеет большие перспективы стать важным узлом комплексных трансконтинентальных транспортных систем по линии Юг-Север и Восток-Запад. Он превратился в центр масштабных событий и процессов всемирного значения. Здесь завязались сложные узлы местных, региональных и глобальных интересов. Возрастающая напряженность в регионе неизбежное следствие геополитической ситуации, способствующей геостратегической конкуренции.

Как мы видим, пространство Черноморско-Каспийского региона занимает на глобальной арене одно из ключевых мест, значимость в геополитическом плане, которого будет только расти. Такое весомое значение на международной арене региону во многом придает его выгодное географическое положение. Данный регион – один из важнейших источников углеводородного сырья, узел коммуникаций, источник биоресурсов, центр рекреации, что наряду с военно-стратегическими интересами, привлекает сюда крупнейших геополитических акторов.

Игроки региона используют различные технологии для достижения поставленных целей, которых с общемировым развитием стало к настоящему времени огромное количество. Государства также для получения большего эффекта и преимущества в борьбе занимаются поиском и созданием новых технологий. Но глобальная система мирового порядка задает тон возможностям той или иной страны в определенном регионе.

Тем не менее, безопасность в регионе во многом зависит от России, исторически сложилось, что эти территории находятся в сферах ее интересов, а продвижение Запада в этот регион направлено против России, что может привести в таком сложном регионе к конфликтам.

Борьба за стратегическое влияние в данном регионе должна стать одним из приоритетных направлений российской внешней политики. Кроме того, в условиях усиливающейся конкуренции за влияние с державами, имеющими четко обозначенную стратегическую цель и приоритеты, актуальной становится задача разработки цельной, просчитанной на длительную перспективу стратегии РФ в отношении Черноморско-Каспийского региона.

Развитие цивилизации выносит на повестку дня все новые и все более сложные проблемы. В какой мере их удастся решить, какова будет цена снятия противоречий, сейчас сказать трудно, но ясно, что становление новой модели отношений в данном регионе будет проходить весьма болезненно и с большими издержками. В то же время накопленный к настоящему моменту опыт решения самых разнообразных и не менее сложных, чем сегодня, проблем позволяет надеяться, что в конечном итоге стремление создать благоприятную внешнюю среду для развития государств, рост их взаимозависимости перевесит все негативные факторы и приведет к формированию более совершенной, по сравнению с предшествовавшими, модели отношений.

Литература

1. *Бафоев Ф.М.* Историческая память в мировой политике. Роль ООН и других международных организаций // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1-4. С. 180-182.
2. *Васютин Ю.С., Панова Е.С.* Историческая память: институционализация в общественном сознании в государственной политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 3. С. 104-112.
3. *Страхов А.Б.* Историческая политика: опыт исторического осмысления // Тетради по консерватизму. 2017. № 3. С. 22-29.

Информационная безопасность как фактор сохранения исторической памяти на Юге России*

Куценко М.В.

Аспирант Института социологии и регионоведения ЮФУ

Создание единой национальной безопасности, соответствующей современным условиям непрерывной геополитической конкуренции, является одной из наиболее сложных направлений преобразования в Российской Федерации.

Информационный этап развития человечества вносит свои корректировки в методику и механизмы обеспечения безопасности добавляя ещё один фактор – собственно, информационный.

Со времени окончания холодной войны предмет исследований в области безопасности «расширился» и «углубился». Подобное «расширение» современные учёные связывают с включением в рассмотрение невоенных угроз, таких как ухудшение состояния окружающей среды, проблемы перенаселённости территорий, массовые перемещения беженцев, терроризм, национализм и, что самое важное, проблемы информационной борьбы и информационного терроризма. Под «углублением» понимается рассмотрение безопасности индивидов и групп, а не только внешних угроз государствам.

На современном этапе развития международных отношений нельзя не касаться области медиaprостранства. Современная эпоха характеризуется возрастающим влиянием средств СМИ на социально-политические процессы, происходящие в мире. Они способны моделировать и видоизменять события и явления окружающего мира. Реальность преобразуется, конструируется новая реальность – медийная.

Стратегия современных СМИ реализуется таким образом, чтобы удовлетворить разнообразные интересы индивида, сделать медиасообщения неотъемлемой частью его повседневной жизни с учетом ритма жизни

* Работа выполнена в рамках внутреннего гранта ЮФУ № ВнГр-07/2017-22 «Трансконфликтные регионы как феномен геополитической конкуренции: социальные риски и ресурсы адаптации к гуманитарным вызовам».

среднестатистического потребителя информации. Медиаинформация по мнению многих ученых оказывает огромное влияние на формирование в обществе системы взглядов на мир, представленной определенной совокупностью ценностей.

При отсутствии технологических ограничителей при передаче информации, СМИ способны использовать различные механизмы при создании медиаинформации. Данные механизмы используются для реализации программ, заведомо направленных на формирование необходимого восприятия у индивидов при достижении определённых социально-политических целей.

Средства массовой коммуникации способны формировать у индивида представление о той реальности, в которой он находится, и эта социальная среда будет существовать объективно, вне зависимости от отдельного человека. Следовательно, можно рассматривать медиaprостранство не только как совокупность средств и технологий распространения информации, а также как независимый план реальности, образованный от взаимодействия СМИ и событий, происходящих в мире.

Здесь важно подчеркнуть, что в XXI веке схема Реальность-СМИ- Человек, претерпела существенные изменения приобретя вид СМИ- Человек-Реальность. Т.е. если же прежде средства массовой информации служили для индивида в качестве одного из способов познавать окружающий и внешний мир, то в условиях современного информационного характера мироустройства СМИ отображает в себе реальность, а не наоборот.

По мнению Комарова Е.Н. – медиaprостранство, являясь продуктом социальной реальности, стремится, вместе с тем, подменить ее собою [1]. Осуществляемое со стороны средств массовой информации системное проникновение во все сферы жизни человека, которому подвержены все жители Земли перманентно ведёт к закономерному постепенному замещению принятию транслируемого образа за действительность.

Опасность этой характерной черты медиaprостранства состоит в том, что если в рамках социальной реальности индивиду предоставляется возможность самостоятельно судить, какую оценку дать происходящему вокруг, сделать

собственные выводы о сути происходящего, то медиа-реальность транслирует индивиду запланированную по свойствам информацию, «готовую для усвоения». Тем самым можно называть верным мнение Т.Г. Добросклонской о том, что «механизм функционирования СМИ предполагает не только и даже не столько отражение окружающей действительности, сколько, и это гораздо более важно, ее интерпретацию, комментарий, оценку, способствующую созданию определенного идеологического фона» [2].

Также к опасностям медиaprостранства следует отнести и то, что условиях информационного характера современного мирового сообщества, выход из него не представляется возможным, что обеспечивает СМИ тотальный контроль над информационным полем, а потому СМИ сейчас это главный инструмент информационного воздействия.

Контроль информацией позволяет использовать СМИ в качестве средства контроля сознания как большого количества людей, так и отдельного индивида.

Сегодня СМИ – главный инструмент управления массами, а информационные манипуляции наносят ущерб гораздо больший, чем любое другое оружие. Реальное событие, если оно не показано по телевизору, не попадает в массовое сознание. И, напротив, любое событие, растиражированное СМИ, воспринимается социумом как реальность.

Атаки на информационное пространство Юга России после распада Советского союза приняли полномасштабный характер. Чеченский конфликт, получивший название «первой российской телевизионной войны» детально демонстрирует это. Большие потери на реальном фронте боевых действий сопровождались потерями в информационном поле. Отсутствие у государства необходимого опыта в освещении подобных событий сыграло на руку заинтересованным в искажении фактов зарубежным акторам. Масс-медиа не были на стороне государства, СМИ освещали конфликт сочувственно по отношению к боевикам.

Информационные атаки осуществлялись на почве неподготовленности населения к реальным картинам боевых действий, которые до этого были доступны

только военным и искажению доносимой до аудитории информации. Покупались пиар компании в прессе, направленные на дискредитацию армии, политиков, поддерживающих операции федеральных войск в Чечне, сориентированные на развитие пацифистских идей и трансляцию в общественное сознание различных панических настроений.

Для трансформации сознания целого общества необходимо осуществлять программу манипуляции и отключить здравый смысл нескольких поколений, необходимо разрушать историческую память.

Развитие сети Интернет в мире, в том числе в России, повлекло за собой создание сети «сепаратистских сайтов» боевиков, распространяющих деморализующий контент, искажающий исторические факты.

Ответные меры государства последовали к началу Второй чеченской кампании, когда, взяв под жесткий контроль внутригосударственное циркулирование информации о конфликте, Совет безопасности РФ призвал СМИ последовательно вести информационную войну против чеченских террористов.

Война на Западе представлялась этнической – русские против чеченцев, и имперской – огромная Россия против маленького народа горцев. Ни слова не было ни о национальном составе Чечни, ни о способе сосуществования народов на Кавказе. Данная перспектива, принятая западными СМИ за основную в информационной борьбе за Кавказ, продолжает всплывать до сих пор.

Активно используется и поддается различным манипуляциям период Великой Отечественной войны, в особенности эпизод депортации народов Кавказа. Периодически предпринимались попытки подмены идеологического содержания крупнейшего национального праздника – Дня Победы символами этнической и региональной идентичности, несмотря на активные попытки правительства замедлить процесс распада образа общего советского прошлого у народов Северного Кавказа. Вместе с тем, новейшая российская историография не может в полной мере преодолеть «тлеющие» до сих пор историографические территориальные претензии, начало которым было положено ещё в Советское время.

Дополнительные сложности в это вносит осмысление жителями Кавказа советского прошлого через призму салафитского мировоззрения. Главную роль в этом отторжении принимают идеологи «Имарата Кавказ» и ИГИЛ. В социальных сетях, на сайтах салафитов, в мессенджерах ведутся активны дискуссии о греховности для мусульман какого-либо участия в праздновании Дня победы, отказе от георгиевской ленточки – «символе креста и оккупации».

Неудачная грузинская военная кампания против Южной Осетии повлекла за собой информационное противостояние. 20 мая 2011 года Парламентом Грузии была принята резолюция о признании геноцида черкесов Российской Империей во время войны на Кавказе [3]. Согласно тексту резолюции, действия российских властей признаны этнической чисткой и военно-карательными экспедициями, в результате которых «было уничтожено или изгнано с родины больше 90 процентов черкесов». Также, черкесы, депортированные во время войны 1763–1864 годов и после неё, признаются беженцами. Присутствовали также попытки рассмотреть в Верховой Раде в 2014 году проект постановления «О признании геноцида черкесов, осуществленного российскими царями и их войсками в XVIII и XIX веках».

В настоящее время Кавказский регион представляет из себя настоящую арену выяснения взаимоотношений различных геополитических сил. Противостоять деструктивным процессам на фоне формирования новейшей российской историографии возможно лишь активно взаимодействуя с народами, населяющими Юг России. Учет исторического опыта культурного взаимовлияния народов Северного Кавказа и историческая память помогут сформировать социокультурное ядро в структуре социально-политических идентификаций.

Особую роль в сохранения исторической памяти на Юге России играет информационная безопасность. Учитывая ошибки прошлого и мировые тенденции в организации информационной безопасности, правительству необходимо выстроить новую систему, отвечающую вызовам современности. Попытки закрыть возможность отличной от советской историографии интерпретаций прошлого, событий Великой Отечественной войны на информационном этапе развития обречены на провал. Благоприятная информационная сфера и её положительное

развитие возможно только в случае соблюдения и обеспечения свобод граждан. Необходимо дальнейшее подробное научное исследование форм и способов цивилизованного и гуманного воздействия государства на формирование общественного сознания в рамках соблюдения свободы слова граждан Российской Федерации, а также формирование системы обучения культуры восприятия гражданами РФ информации, транслируемой СМИ.

Контроль информационного поля, которым в нашей стране занимается Роскомнадзор уже даёт позитивные результаты, но нельзя останавливаться только на запрете и блокировке вредоносных ресурсов. Необходимо создание открытых и интуитивно понятных проектов в сети Интернет, главной функцией которых стала бы трансляция правдивых фактов и сведений.

Литература

1. *Е. Н. Комаров* «К вопросу о роли СМИ в формировании медиа-картины мира» [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rol-i-smi-v-formirovanii-media-kartiny-mira> (Дата обращения 02.09.2018);

2. *Добросклонская Т.Г.* «Медиалингвистика. Системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь): учебное пособие», издательство Флинта, 2008. 127 с.

3. Резолюция конференции в Тбилиси по черкесскому геноциду [Электронный ресурс] URL: <http://www.circassiangenocide.org/tree/48/show/563/> (Дата обращения 02.09.2018).

Историческая память о правовых системах на Юге России как фактор формирования правосознания: исторические коллизии оформления и возможности для геополитической конкуренции

Пантелеев В.Г.

младший научный сотрудник Южнороссийского филиала ФНИСЦ РАН

Институт права, пронизывая ткань социальной действительности, осуществляет регуляцию общественных отношений и аспектов этих отношений в различных общественных сферах. Характер и содержание этих норм определяют дух правовой системы, функционирующей в данном социуме. От того, какого рода правовая система господствует, зависит то, какие формируются правовые культура и сознание членов общества. В конечном итоге, та или иная существующая правовая система тесно связана с тем, какой политический порядок существует в данном социуме. Это определяет предел допустимых действий представителей государственной власти в надзоре за исполнением закона, и, в конце концов, обоснование того или иного политического режима. Таким образом, правовая система составляет опору для политических режимов, оформленных в государственные образования.

Вместе с тем, укорененность той или иной правовой системы в пределах того или иного социума определяет то, насколько прочны основания для функционирования текущей системы права. Дело в том, что правовая система, будучи социальным фактом и обладая по отношению к индивидам внешним принудительным влиянием, с одной стороны оформляет правовое сознание индивидов, создавая единое социокультурное пространство. С другой стороны, если правовая система не обладает достаточной темпоральной долготой существования, то индивиды демонстрируют противоречивое отношение к ней отношения, являя амбивалентность правового сознания. Правовая система, которая не порывает радикально со своими предшественниками, то есть, оставаясь той же, но трансформирующейся в духе социальных перемен, оказывается более устойчивой, нежели те, которые не обладают таким историческим преемством.

Таким образом, чем чаще сменяют друг друга правовые системы в пределах какого-либо социума, тем больше амбивалентности существует в правосознании. В конце концов, это актуализирует проблему исторического преемства. Стало быть, функционирующая правовая система является фактором формирования правового сознания, если обладает устойчивостью социального факта. И, напротив, если правовая система не обладает таковой устойчивостью, то это раскалывает правовое сознание, открывая возможности для спекуляций со стороны геополитических акторов.

Таким характерной чертой «исторической разорванности» правовых систем обладает социально-территориальное пространство Юга России. Эта «разорванность» обусловлена теми историческими событиями, которые происходили в пределах этой территории в начале XX века и по настоящее время. В сущности, за это время сменился настоящий калейдоскоп правовых систем. А именно: правовая система императорской России; правовая система пореволюционной России; правовая система большевистской России; правовые системы белых правительств; правовые системы казачьих областей; правовые системы этно-территориальных образований; правовая система советской России (с различными этапами развития); правовая система современной России.

Из приведенного перечня уже можно заметить, какие разрывы относительно правовых систем в исторической памяти существуют на Юге России. Такие смены формируют белые пятна в историческом сознании, поскольку наиболее высоким уровнем «остаточности» в исторической памяти те правовые системы, которые оказывались в господствующем положении. Так правовые системы периода временного правительства и государственных образований белого движения занимают совершенно незаметное место в исторической памяти на Юге России. В то же время советская правовая система занимает большее место в исторической памяти, нежели иные. Главной причиной здесь является достаточно долгое господство, с одной стороны. С другой стороны, многие поколения, правовое сознание которых формировалось в эту эпоху, еще живы. В то время как носители

правовой системы государственных образований белого движения либо были растворены в советском обществе, либо покинули Россию навсегда.

Итак, охарактеризуем правовые системы, которые существовали на Юге России. Смены этих систем и являются теми самыми историческими коллизиями оформления исторической памяти о правовых системах на Юге России как фактора формирования правосознания.

Правовая система императорской России. Эта правовая система обладала наибольшей темпоральной продолжительностью существования. Она складывалась веками и обладала живой традицией, уходящей вглубь веков. С одной стороны, это являлось фактором укрепляющим. С другой стороны, данная правовая система обладала некоторой громоздкостью, которая не позволяла ей гибко реагировать на перемены в социальном поле. Громоздкость этой правовой системе придавали не только священность традициями, но закрепление и утверждение монархического принципа государственного устройства, который оформился в специфическую российскую политическую систему, которая именуется самодержавием. Самодержавный принцип концентрировал нити управления в руках одного человека – что во многом и определяло то, насколько эта правовая система могла быть гибкой в отношении социальных изменений. То есть фактор изменчивости правовой системы, ее способность меняться сообразно меняющимся условиям, была поставлена в зависимость от черт монарха. Даже в период думской монархии эта черта активно проявлялась, что во многом усугубило ситуацию существования данной правовой системы. С другой стороны, нормы данной системы были направлены против сторонников стихийных, полномасштабных социальных преобразований, то есть, революций. Однако, нельзя сказать, что данная система была оторвана от социальной действительности, она регулировала актуальные отношения между людьми в различных сферах общества, которые существуют независимо от того, какой политический строй существует в России.

Правовая система пореволюционной России, которая относится к периоду Временного правительства и Российской республики, уже, конечно, лишена монархических атрибутов. Удалены все репрессивные механизмы, которые были

нацелены на определенные идейные группы. Устранен из законодательства сословный принцип деления общества. В тоже время данная правовая система не порывала с прошлым целиком и полностью, лишь видоизменяя при необходимости прежние нормы и убирая, не согласующиеся с моментом времени. Однако эта система оказалась не стабильной по причине того, что весьма интенсивно закрепляла радикальные перемены.

В период гражданской войны существовали на Юге России параллельно несколько правовых систем: большевистская, «белая», казачьи, этно-территориальные.

Большевистская система была направлена на полное прерывание преемственности с дореволюционной традицией права. Право помимо регулирования насущных жизненных сфер общества, было нацелено на установление господства партии большевиков на территории России. Этой революционной необходимости оно во многом и подчинялось. Ввиду марксистского идеологического диктата, данная правовая система содержала в себе широкие репрессивные механизмы по отношению к целым социальным группам.

Правовая система белых государственных образований не порывала преемства ни с императорской, ни с пореволюционным, игнорируя лишь какие-то радикальные явления, закрепленные в этих правовых системах. Так ни в одном из белых государственных образований не был восстановлен сословный принцип. С другой стороны, радикальные демократические нормы периода Временного правительства также были отброшены. Вместе с тем, эта правовая система характеризуется военным уклоном, так как основной целью белых государственных образований была военная победа над большевиками. С другой стороны, военные играли здесь заметную роль. Были здесь и свои репрессивные механизмы, которые были направлены не против слоев населения, а против носителей тех идейных течений, которые признавались радикальными.

Правовые системы казачьих областей отражали, прежде всего, традиции казачества и работали на их закрепление. Это приводило к тому, что зачастую обходилось вниманием не-казачье население областей. Это подрывало фундамент

этих правовых систем, так как противники подобного подхода находились внутри социума, который регулировался данной системой права.

Главной особенностью этно-территориальных образований является закрепление в праве народных традиций. Вернее, народные традиции подменяли собою право. Их устойчивость в период гражданской войны на Юге России во многом зависела от того, с какой из сторон данные образования вступали в союзные отношения.

Советская правовая система характеризуется закреплением господства коммунистической идеологии, соответствующей формы общественного устройства и репрессивных механизмов, которые направлены на идеологических противников. Данная система в разные периоды своего существования отличалась различной степенью «жестокостью». В конце концов, она приобрела черты «неповоротливости» правовой системы императорской России.

Наконец, современная правовая система хотя и ведет преемство от советской, но лишь в отдельных аспектах, так как относится к капиталистическому типу общества.

Таким образом, мы можем заключить, что историческая память о правовых системах на Юге России обладает «разорванностью» и множеством белых пятен. Это обуславливает двойственность [1, С. 250] правового сознания на Юге России и открывает возможности для действий геополитических акторов.

Литература

1. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография / отв. ред. А.В. Лубский. – М.: Социальногуманитарные знания, 2017. – 452 с.

Молодежный этнический экстремизм в предметном поле социологии*

Панфилова Ю.С.

кандидат социологических наук, преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Южного федерального университета

Несмотря на обилие вышедшей за последнее десятилетие научной литературы, в которой анализируются отдельные аспекты молодежного этнического экстремизма, хотелось бы отметить, что в общем массиве, на фоне преобладания политологических и правоведческих публикаций, работ, носящих социологический характер, немного. Между тем, как отмечает А.В. Сериков, эффективная профилактика экстремизма возможна только при детализированном социологическом анализе экстремистских групп и социализационной среды различных когорт молодежи [1].

Анализ социологической литературы, посвященной исследованию этнического экстремизма в современной России, можно условно разделить на три тематических блока: работы, в которых анализируется сущность молодежного экстремизма; публикации, авторы которых выделяют причины эскалации и распространения этнического экстремизма; работы, в которых предлагаются возможные меры его профилактики.

Говоря о сущности и природе молодежного этнического экстремизма, ученые отмечают, что неоднозначность и многоплановость этого явления не позволяет при его изучении стоять на позициях одной теории. Тем не менее, попытаемся выделить некоторые методологические стратегии. Так, Ю.А. Зубок и В.И. Чупров связывают экстремистские практики молодежи с таким качеством ее сознания как экстремальность. Экстремальность – это формы проявления максимализма в сознании и поведении молодого человека,

* Тезисы подготовлены при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-33-01131-ОГН «Социальные и гуманитарные технологии профилактики и противодействия агрессии, экстремизму и терроризму на Юге России в контексте геополитической конкуренции в Черноморско-Каспийском регионе».

приводящие к кризису идентичности, обусловленные возрастными психофизиологическими особенностями и транзитивным социально-статусным положением. Как отмечают авторы, в современном обществе экстремальность в молодежной среде особенно ярко проявляется, так как присутствующая неопределенность идентификаций затрудняет отождествление молодого человека с различными группами, обостряет противоречие в его самосознании и создает стереотип «чужого». Вызванное противоречие закрепляется в социальных практиках молодых людей, усиливая экстремальность, отраженную в крайних формах отклоняющегося поведения: нигилизм, фанатизм, экстремизм [2].

В.И. Чупров, конкретизируя эти положения, подчеркивает, что не столько сами условия, сколько рефлексия по поводу их изменения послужила важной предпосылкой перехода экстремальности сознания молодых людей в активную форму и фактором их самоорганизации [3]. В данном случае автор определяет сущность молодежного экстремизма с точки зрения феноменологического подхода. Изменившиеся условия не являются непосредственными детерминантами экстремистского поведения молодежи, а оказывают на него влияние опосредованно, через сознание.

В рамках цивилизационного подхода этнический экстремизм понимается как конфликт цивилизаций. М.И.Егоров и Я.А. Маргулян отмечают, что в современном мире принято говорить о столкновении западной и восточной цивилизаций, различных по своей ментальности и ценностям. То есть, как подчеркивают исследователи, сама современная цивилизация оказывает давление на человека, провоцируя его тем самым на экстремистскую деятельность [4].

Т.С. Рябинская, работая в рамках конфликтологического подхода, указывает, что межкультурный и межэтнический экстремизм маскирует истинное положение неудовлетворенности людей, переводя эту неудовлетворенность в плоскость межнациональной или расовой ненависти. «Возникновение такого конфликта обусловлено необходимостью освободиться

от агрессивного напряжения одной из сторон, причём эту агрессивность «можно легко направить по другим каналам именно потому, что она не связана напрямую с объектом, ставшим мишенью “по обстоятельствам”. Она может проявиться совсем иначе, если выбранный объект уже недоступен» [5].

Основной массив социологических работ, в которых затрагивается тема молодежного межэтнического экстремизма, посвящен анализу причин и факторов этого явления. По мнению Л.М. Дробижевой и Э.А. Паина, явления экстремизма хорошо прослеживаются в обществах, вступивших на путь трансформаций, и концентрируются в маргинальных слоях социума, характеризующихся сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни [6].

Развивая эту точку зрения, С.С. Черных и А.А. Никифоров отмечают, что молодежь в силу большей транзитивности трудового статуса и в целом заведомо меньших возможностей достичь в раннем возрасте профессионального признания подвержена риску экстремистского восприятия собственных этнических и конфессиональных идентичностей. Этим и обусловлен интенсивный поиск молодыми людьми идентичности, способной удовлетворить их социальные притязания на значимость и статус, что находит выход в участии в экстремистской деятельности [7].

Ряд исследователей связывают причины молодежного этнического экстремизма с кризисом гражданской идентичности. Так, О.М. Шевченко отмечает, что «по мере утраты странами реального суверенитета и финансово-экономической независимости, расщеплению подвергаются прежние гражданские идентичности, а их место занимают идентичности этноконфессионального характера. В этих условиях людям становятся особенно необходимы некие символы стабильности и постоянства, в поисках которых как раз происходит обращение к своим корням, которое проявляется в попытках реанимации этнических традиций. Зачастую в сознании молодежи эти стремления и попытки социального обновления традиции приобретают

смешанный, фрагментированный характер, что приводит к экстремальным проявлениям» [8].

Г.Г. Гасанов в качестве основной причины молодежного этнического экстремизма выделяет нерезультативность политико-правового регулирования общественно-политических отношений в сфере государственной молодежной политики. Как подчеркивает автор, это вызвало к жизни негативные «компенсаторные процессы» – усиление роли религии, культивирование радикальных традиций и обычаев в сознании российской молодежи [9].

Т.С. Рябинская и А.В. Сериков связывают распространение экстремистских социальных практик с низким уровнем социального и культурного капитала части российской молодежи [5], [1]. В данном смысловом ключе экстремизм в форме, например, расизма или религиозного фанатизма зачастую распространяется в молодёжной среде как система лженаучных представлений об устройстве мира. К тому же, как подчеркивает Т.С. Рябинская, в поле действия этнических и конфессиональных установок запускается механизм рода и почвы, в результате чего индивид активно переживает единство с органической группой («братьев по крови») [5].

Говоря о системе профилактики молодежного этнического экстремизма, отечественные социологи выделяют несколько основных принципов. В первую очередь – это преодоление социального неравенства через формирование открытых каналов социальной мобильности молодежи [1], [3], [5]. Во-вторых, организация конструктивной социальной активности молодежи [10]. В-третьих, важно, чтобы гуманитарные технологии противодействия экстремизму были адресными, что актуализирует социологическое обеспечение профилактических мер [1]. В-третьих, установление толерантной атмосферы, разрушение взаимных негативных стереотипов представителей титульной национальности и национальных меньшинств и создания благоприятной для дружеских отношений информационной среды [11]. Наконец, важным принципом является согласованность действий всех государственных органов и

органов местного самоуправления, их взаимодействие с институтами гражданского общества.

Подводя итог, хотелось бы еще отметить, что на сегодняшний день молодежный экстремизм приобретает все новые формы, экстремистские группировки трансформируются, привлекая все большее число сторонников по всему миру. Таким образом, теоретические и прикладные социологические исследования в русле данной проблематики не теряют своей остроты и актуальности, а их проведение должно лежать в основе системы технологий противодействия.

Литература:

1. *Сериков А.В.* Молодежный экстремизм на Юге России: причины обострения и меры предупреждения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. №3.

2. *Чупров В.И., Зубок Ю.А.* Экстремизм среди молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 1 (89).

3. *Чупров В.И.* Молодежный экстремизм в парадигме феноменологической социологии знания // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. 2015

4. *Егоров М.И., Маргулян Я.А.* Молодежный экстремизм как социальное явление в условиях постиндустриального общества // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 5.

5. *Рябинская Т.С.* Сущность и специфика молодежного экстремизма в контексте теории конфликта // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 3.

6. *Дробижева Л.М., Паин Э.А.* Политический экстремизм и терроризм: социальные корни проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/vek-tol/5-0-drobigeva.html> (Дата обращения 10.09.2018).

7. *Черных С.С., Никифоров А.А.* Гражданская идентичность российской молодёжи в фокусе этнической и религиозной толерантности // Альманах современной науки и образования. 2015. № 11.
8. *Шевченко О.М.* Сущность и виды ксенофобии: история и современность. Ростов-на-Дону, 2013.
9. *Гасанов Г.Г.* Молодежный экстремизм: основные причины и проблемы противодействия // Молодой ученый. 2015. № 4.
10. *Панфилова Ю.С.* Патриотическое воспитание в вузах Юга России как инструмент профилактики экстремизма в молодежной среде // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 7.
11. *Олифиренко Е.П.* Молодежный экстремизм как фактор дестабилизации политического процесса (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // научная мысль Кавказа. 2011. № 4.
12. *Бушмарина Н.Н.* Молодежный экстремизм: профилактика в условиях современного пространства образования // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2014. № 3 (35).

Научное издание

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И
ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ В КОНТЕКСТЕ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ**

*Материалы научно-практической конференции «Историческая
память и исторические мифы в контексте геополитической
конкуренции на Юге России» 24 сентября 2018 г.*

Ответственный редактор
Кандидат социологических наук, доцент
А.В. Бедрик

Составители:
Губарев И.В., Куценко М.В.

Сдано в набор 17.10.2018. Подписано в печать 31.10.2018.
Печать цифровая, гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 4,1.
Формат 60x84/16. Тираж 550 экз. Заказ № 300.

Отпечатано в типографии
ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111.
тел. 8-918-570-30-30.